

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Южный федеральный университет»

ФОНД НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Caucasian Science Bridge

2020 Vol. 3 №3 (9)

Журнал *Caucasian Science Bridge*

является периодическим печатным изданием, публикующим статьи по направлениям:

07.00.00 «Исторические науки и археология»,

22.00.00 «Социологические науки», 23.00.00 «Политология».

Издание предназначено для публикации основных результатов исторических, политических и социокультурных исследований развития макрорегиона Большой Кавказ в системе государственных и региональных образований евразийского пространства, включающего Среднюю Азию, Ближний Восток и Черноморско-Каспийский регион. Данное магистральное направление сочетается с немаловажной миссией журнала, связанной с созданием в его границах интеллектуальной и дискуссионной площадки, что предполагает возможность публикации в данном издании исследований других регионов современного мира в координатах профиля журнала. Рукописи проходят двойное слепое рецензирование, рецензии хранятся 5 лет.

Редакционная политика журнала основывается на рекомендациях международных организаций по этике научных публикаций: Комитета по публикационной этике – Committee on Publication Ethics (COPE), Европейской ассоциации научных редакторов – European Association of Science Editors (EASE).

Учредители: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»; Общество с ограниченной ответственностью «ФОНД НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ».

Читатели и авторы могут ознакомиться с электронной версией выпусков бесплатно в разделе «Архивы», PDF-версии статей распространяются в свободном доступе по лицензии Creative Commons (CC-BY-NC-ND).

Периодичность: 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-72672 от 16 апреля 2018 г. ISSN: 2658-5820

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором.

Адрес редакции и издателя: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.

Журнал распространяется бесплатно.

The Journal “Caucasian Science Bridge”

is a periodical printed publication publishing articles in the directions of:

22.00.00 “Sociological Sciences”,

23.00.00 “Politics”, 07.00.00 “Historical Sciences and Archeology”.

The journal is geared on publishing articles in the field of historical, political and socio-cultural research of the development of the macro-region the Greater Caucasus in the system of state and regional entities of the Eurasian space, including Central Asia, the Middle East and the Black Sea-Caspian region. This tramline is combined with the mission of the journal: to create an intellectual and discussion platform. Consequently, the articles dedicated to other regions of the world, written within the framework of the journal profile are published. The journal is based on the model of the double-blind peer review. The reviews are kept for 5 years.

Upon elaboration upon the principles of publication ethics, the editorial board of the journal has been guided by the recommendations of Committee on Publication Ethics (COPE), European Association of Science Editors (EASE).

The journal is published by Southern Federal University; FUND FOR SCIENCE AND EDUCATION. Readers and authors can acquaint with the electronic version of the journal issues free in the “Archives” (materials are available for download free of charge). PDF versions of scholarly articles of journal are in open access under the License Creative Commons Attributions – NonCommercial – NoDerivatives 4.0 International.

Publication Frequency: Quarterly.

The Mass Media Registration Certificate: PI № FS77-72672 from 16.04.2018. ISSN: 2658-5820

The journal is registered by Roskomnadzor.

Address of the editorial office and publisher: 160 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russia.

The magazine is distributed free of charge.

Сдано в набор 11.09.2020. Подписано в печать 28.09.2020. Выход в свет 29.09.2020.

Печать цифровая, гарнитура Cambria.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 5,3. Тираж 550 экз. Заказ № 98.

Отпечатано в типографии ООО «Фонд науки и образования»

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 111. Тел. 8-918-570-30-30.

Главный редактор:

Сериков Антон Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Заместитель главного редактора:

Верещагина Анна Владимировна – доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Атанесян Артур Владимирович – доктор политических наук, Ереванский государственный университет, г. Ереван, Армения

Билалов Мустафа Исаевич – доктор философских наук, профессор, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Россия

Бодио Тадеуш – доктор политических наук, профессор, Варшавский университет; Польская академия наук, г. Варшава, Польша

Дружинин Александр Георгиевич – доктор географических наук, профессор, Северо-Кавказский научно-исследовательский институт экономических и социальных проблем, г. Ростов-на-Дону, Россия

Дятлов Александр Викторович – доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Ибрагимов Айдын Исмаил-оглы – доктор географических наук, Эгейский университет, г. Измир, Турция

Квициани Джони Джокиевич – доктор исторических наук, профессор, Тбилисский государственный университет им. Ив. Джавахишвили, г. Тбилиси, Грузия

Койбаев Борис Георгиевич – кандидат исторических наук, доктор политических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия

Мкртчян Артур Ервандович – доктор философских наук, профессор, Ереванский государственный университет, г. Ереван, Армения

Мукомель Владимир Изявич – доктор социологических наук, профессор, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Новрузов Рафиг Манаф-оглу – доктор филологических наук, профессор, Бакинский славянский университет, г. Баку, Азербайджан

Патеев Ринат Фаикович – кандидат политических наук, директор Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия

Прити Дибьенду Дас – доктор философских наук, старший научный сотрудник, Центр исследований России и Центральной Азии, Университет Джавахарлала Неру, г. Нью-Дели, Индия

Райко Гнято – доктор географических наук, Баня-Лукский университет, г. Баня-Лука, Республика Сербская

Рязанцев Сергей Васильевич – доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, профессор, Московский государственный институт международных отношений, г. Москва, Россия

Трапш Николай Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Тхагапсоев Хажисмель Гисович – доктор философских наук, профессор, Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, г. Нальчик, Россия

Шадже Асиет Юсуфовна – доктор философских наук, профессор, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акаев Вахит Хумидович – доктор философских наук, профессор, Академия наук Чеченской Республики, г. Грозный, Россия

Аствацатурова Майя Арташесовна – доктор политических наук, профессор, Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Россия

Бадмаев Валерий Николаевич – доктор философских наук, профессор, Калмыцкий государственный университет, г. Элиста, Россия

Бедрик Андрей Владимирович – кандидат социологических наук, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Беспалова Анна Александровна – кандидат социологических наук, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Гузенина Светлана Валерьевна – доктор социологических наук, доцент, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, г. Тамбов

Дьяченко Анжела Николаевна – кандидат философских наук, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Ковалев Виталий Владимирович – доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Кринко Евгений Федорович – доктор исторических наук, Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону, Россия

Кузнецов Аркадий Вячеславович – Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия

Максимчик Андрей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Старостин Александр Михайлович – профессор, доктор политических наук, директор Института междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации РГЭУ (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия

Хачецуков Заур Махмудович – кандидат философских наук, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия

Хопёрская Лариса Львовна – доктор политических наук, Киргизско-Российский славянский университет, г. Бишкек, Киргизия

Шафаги Марьям – преподаватель русского языка, Университет им. Алламе Табатабаи, г. Тегеран, Иран

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна – доктор социологических наук, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала, Россия

Chief Editor:

Serikov Anton Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Deputy Chief Editor:

Vereshchagina Anna Vladimirovna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

EDITORIAL COUNCIL

Atanesyan Artur Vladimirovich – Doctor of Political Sciences, Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Bilalov Mustafa Isayevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Bodio Tadeusz – Doctor of Political Sciences, Professor, Warsaw University; Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland

Druzhinin Aleksandr Georgievich – Doctor of Geographical Sciences, Professor, North-Caucasian Research Institute of Economic and Social Problems, Rostov-on-Don, Russia

Dyatlov Aleksandr Viktorovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Ibragimov Aydin Ismail oglu – Doctor of Geographical Sciences, Aegean University, Izmir, Turkey

Kvitsiani Joni Djokievich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Javakhishvili Tbilisi State University, Tbilisi, Georgia

Koybayev Boris Georgievich – Candidate of Historical Sciences, Doctor of Political Sciences, Professor, Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russia

Mkrtichyan Arthur Ervandovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Mukomel Vladimir Izyavich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Novruzov Rafiq Manaf oglu – Doctor of Philological Sciences, Professor, Baku Slavic University, Baku, Azerbaijan

Pateev Rinat Faikovich – Candidate of Political Sciences, Director of the Center for Islamic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Russia

Preeti Dibyendu Das – Doctor of Philosophical Sciences, Senior Assistant Professor, Centre for Russian and Central Asian Studies, Jawaharlal Nehru University, India

Raiko Gnato – Doctor of Geographical Sciences, Banja Luka University, Banja Luka, Republika Srpska

Ryazantsev Sergey Vasilievich – Doctor of Economic Sciences, Corresponding Member of RAS, Professor, Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia

Trapsh Nikolay Alekseevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Tkhagapsoev Khazhismel Gisovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Nalchik

Shadzhe Asiet Yusufovna – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Adyghe State University, Maykop, Russia

EDITORIAL TEAM

Akaev Vakhit Khumidovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Academy of Sciences of Chechen Republic, Grozny, Russia

Astvatsaturova Maya Artashesovna – Doctor of Political Sciences, Professor, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Badmaev Valeriy Nikolaevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Kalmyk State University, Elista, Russia

Bedrik Andrey Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Bespalova Anna Aleksandrovna – Candidate of Sociological Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Guzenina Svetlana Valerievna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, G.R.Derzhavin Tambov State University, Tambov Russia

Dyachenko Angela Nikolaevna – Candidate of Philosophical Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Kovalev Vitaly Vladimirovich – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Krinko Evgeniy Fedorovich – Doctor of Historical Sciences, Southern Scientific Center of RAS, Rostov-on-Don, Russia

Kuznetsov Arkady Vyacheslavovich – Tyumen State University, Tyumen, Russia

Maksimchik Andrey Nikolaevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Belorussian State University, Minsk, Republic of Belarus

Khachetsukov Zaur Makhmudovich – Candidate of Philosophical Sciences, Adyghe State University, Maykop, Russia

Starostyn Aleksandr Mihaylovich – Professor, Doctor of Political Sciences, Director of the Institute for Interdisciplinary Researches of Global Processes and Globalization, Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Khopyorskaya Larisa Lvovna – Doctor of Political Sciences, Kyrgyz-Russian Slavonic University, Bishkek, Kyrgyzstan

Shafaghi Maryam – Russian Language Teacher, Allameh Tabataba'i University, Tehran, Iran

Shakhbanova Madina Magomedkamilovna – Doctor of Sociological Sciences, Dagestan Federal Research Center RAS, Makhachkala, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

АБХАЗИЯ В ФОКУСЕ НАУЧНОГО ДИСКУРСА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Гегия Е.Г.

Общественно-политические процессы в Абхазии в 1945–1953 гг. 10

Авидзба А.Ф.

К.С. Шакрыл и вопросы национально-освободительного
движения абхазского народа 18

Цкуа С.В.

Эшера: этнографический портрет полиэтничности 29

ЦИВИЛИЗАЦИИ И КУЛЬТУРЫ

Кузнецов А.В.

Неформальные практики выстраивания
региональной идентичности 38

Гузенина С.В.

О женской эмансипации в социокультурном контексте 43

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ РЕГИОНА: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Верещагина А.В.

Природа и логика развития современного российского
патриотизма в историческом и политологическом дискурсе 54

МОЛОДЕЖНЫЙ ФОРМАТ

Демиденко А.С.

Социальная инфантильность городской молодежи:
сферы проявления 62

Информация для авторов 71

CONTENTS

ABKHAZIA IN THE FRAMEWORK OF SCIENTIFIC DISCOURSE: HISTORY AND MODERNITY

Gegia E. G.

Socio-political Processes in Abkhazia in 1945-1953 10

Avidzba A.F.

K. S. Shakryl and Issues of the National Liberation
Movement of the Abkhaz People 18

Tskua S. V.

Escher: Ethnographic Portrait of Polyethnicity 29

CIVILIZATIONS AND CULTURES

Kuznetsov A.V.

Informal Practices of Building Regional Identity 38

Guzenina S.V.

Women Emancipation in The Socio-cultural Context 43

SOCIAL INSTITUTIONS OF THE REGION: PAST, PRESENT, FUTURE

Vereshchagina A.V.

The Nature and Logic of the Development of Modern Russian
Patriotism in Historical and Political Science Discourse 54

YOUTH FORMAT

Demidenko A. S.

Social Infantilism of Urban Youth: Areas of Manifestation 62

Information for Authors 71

**АБХАЗИЯ В ФОКУСЕ
НАУЧНОГО ДИСКУРСА:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

УДК 316.74

Общественно-политические процессы в Абхазии в 1945–1953 гг.**Е.Г. Гегия***Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа
Академии наук Абхазии
г. Сухум, Абхазия*

Аннотация: Рассматриваемый период охватывает события, происходившие в Абхазской АССР с марта 1945 г. по март 1953 г. Тяготы Великой Отечественной войны, связанные с человеческими жертвами и экономической разрухой, сопровождались для абхазов еще и национальной дискриминацией со стороны властей Грузии. К подобным фактам относятся: перевод абхазских школ на грузинский язык обучения, переименование топонимов на грузинский лад, процесс массового переселения грузин на территорию Абхазии. Кадровая политика проводилась таким образом, что абхазов не допускали до руководящих должностей по партийной линии. В то же время шла реализация пятилетнего плана по восстановлению и развитию республики после войны. Особенно активно развивались капитальные работы в области жилищно-коммунального, административного и культурно-бытового строительства. В порядке очередности проходили партийные конференции и сессии Верховного Совета Абхазской АССР. Начиная с 1946 г. СНК Абхазской АССР был преобразован в Совет Министров Абхазской АССР. Административная работа в республике велась в штатном режиме, под ширмой советской цензуры. В обозначенный период была проведена операция «Волна» по выселению греков из Абхазии. Эти трагические события были частью переселенческой программы грузинских властей. Подобные события замалчивались в периодической печати и не обсуждались в обществе. Однако представители абхазской интеллигенции выступали в защиту национальных прав своего этноса. Единственной возможностью заявить о происходящем в то время являлось письменное обращение к руководству ЦК КПСС. В 1947 и 1952 гг. были составлены так называемые «Абхазские письма», в которых перечислялись факты ассимиляции. В результате, дойдя до адресата, они обернулись лишь против авторов, которые были наказаны по партийной линии за «клевету». Лишь с марта 1953 г. в Абхазской АССР начинается процесс реабилитации абхазского языка и культуры. Стала возможной публичная критика методов работы прежнего партийного руководства.

Ключевые слова: национальная политика; грузинизация; миграции в СССР; Верховный Совет Абхазской АССР; кадровый вопрос; Совет Министров Абхазской АССР; операция «Волна»; выселение греков из Абхазии; «Абхазские письма».

Для цитирования: Гегия Е.Г. *Общественно-политические процессы в Абхазии в 1945–1953 гг.* // Caucasian Science Bridge. 2020. Том 3. №3 (9) С. 10-17.

Social and political process in Abkhazia in 1945-1953**Elana G. Gegia***D. I. Gulia Abkhazian Institute of Humanitarian Studies Academy of Sciences of Abkhazia
Sukhum, Abkhazia*

Abstract: The period under review covers the events that took place in the Abkhaz ASSR from March 1945 to March 1953. The hardships of the Great Patriotic War associated with human casualties and economic devastation, for the Abkhazians, were also accompanied by national discrimination on the part of the Georgian authorities. Such facts include: transfer of Abkhaz schools into the Georgian language of instruction, the renaming of toponyms in the Georgian way, the process of the mass resettlement of Georgians to the territory of Abkhazia. The personnel policy was carried out in such a way that the Abkhaz were not allowed to the leading positions on the party line. At the same time, the implementation of a five-year plan for the restoration and development of the republic after the war was underway. Capital works in the field of housing and communal, administrative and cultural and social construction were developing especially actively. In order of priority, party conferences and sessions of the Supreme Council of the Abkhaz ASSR were held. Since 1946, the Council of People's Commissars of the Abkhaz ASSR was transformed into the Council of Ministers of the Abkhaz ASSR. Administrative work in the republic was carried out on a regular basis, under the cover of Soviet censorship. During the indicated period, Operation "Wave" was carried out to evict the Greeks from Abkhazia. These tragic events were part of the resettlement program of the Georgian authorities. Such events were hushed up in the periodicals and were not discussed in society. However, representatives of the Abkhaz intelligentsia spoke out in defense of the national rights of their ethnic group. The only way to declare what was happening at that time was a written appeal to the leadership of the Central Committee of the CPSU. In 1947 and 1952. the so-

called "Abkhaz letters" were compiled, which listed the facts of assimilation. As a result, having reached the addressee, they turned only against the authors, who were punished along the party line for "slander". Only in March 1953 the process of rehabilitation of the Abkhaz language and culture began in the Abkhaz ASSR. Public criticism of the working methods of the previous party leadership became possible.

Key words: nationality policy; Georgianization; migration to the USSR; the Supreme Council of the Abkhaz ASSR; personnel issue; the Council of Ministers of the Abkhaz ASSR; operation "Wave"; eviction of Greeks from Abkhazia; "Abkhaz letters".

For citation: Gegia E. G. Socio-political Processes in Abkhazia in 1945-1953 / / Caucasian Science Bridge. 2020. Vol 3. № 3 (9) P. 10-17.

В истории Абхазской АССР данный период является сложным и противоречивым. Он начался со знакового события в истории всего Советского Союза – Победы над фашистской Германией в Великой Отечественной войне. Абхазы внесли свой вклад в общую победу, проявляя героизм в военных действиях на разных участках фронта.

В это же время в республике продолжалась политика ассимиляции, которая не прекращалась как в период войны, так и после ее завершения. Руководители Грузинской ССР и их ставленники в Абхазии проводили преобразования, направленные на растворение абхазского этноса в грузинской этнокультурной среде. Лишь с 1953 г. после смерти Сталина подобная национальная политика получила открытое осуждение.

В 1945 г. началась активная работа над реформой в сфере образования. Своей конечной целью она ставила перевод абхазских школ на грузинский язык обучения. Началом этого процесса послужило постановление «О мероприятиях по улучшению учебно-воспитательной работы в школах Абхазской АССР», принятое 13 марта 1945 г. Абхазским обкомом КП(б) Грузии.

В документе, составленном в духе «дружбы и родства» абхазов с грузинским этносом, отмечалось, что «учитывая наличие общего алфавита и лексическое сходство грузинского и абхазского языков, а также знание значительной частью абхазского населения грузинского языка, и т.п., перевести обучение в абхазских школах с 1945–1946 учебного года на грузинский язык» (Сагария, 1992. С. 484–485).

Языковед Л.П. Чкадуа отмечает: «введение преподавания на грузинском языке (с 1 по 11 классы) было большой ошибкой, оно затормозило формирование абхазской интеллигенции... (Лежава, 1997. С. 158).

А.Э. Куправа в своих исследованиях 1960-х гг. также пишет об ухудшении успеваемости в школах в тот период (Куправа, 1981. С. 46).

Все это привело к сокращению количества абхазских детей в школах. Многие преподаватели также лишились работы. Их отправляли трудиться в колхозы. Мы находим подтверждение этим фактам в воспоминаниях А.А. Аршба: «Всех учителей отправили работать в колхоз. Привезли из Грузии молодых грузин с десятиклассным образованием, чтобы научили нас говорить по-грузински. Они не знали русского языка, а я не знал ни русского, ни тем более грузинского: словом, общались, как немой с глухим» (Авидзба, 2019. С. 6).

«Массовой поддержки» данного мероприятия со стороны населения, как это утверждали грузинские «реформаторы», не было. Официальная печать не освещала «школьный вопрос», следовательно, населению республики о нем не было известно. В это время еще шли военные действия, люди были больше обеспокоены делами на фронте и судьбами своих родных.

Мнение общества о национальной политике, проводимой властями Грузии, выяснялось методом агентурных наблюдений, которые велись по всем районам Абхазии. В результате этой работы составлялись справки, в которых представители абхазской интеллигенции проходят как «буржуазно-националистически настроенные ли-

ца». В одной из справок, датированной 11 декабря 1945 г. (Лакоба, 2003. С. 32) содержался список, в котором упоминались Герия А.Н., Хашба А.Л., Лакербая М.А., Карба П.П., Агрба А.Р., Гулиа Д.И., Лакоба А.К., Анкваб Н.М. и др. Будучи передовой частью населения, они высказывались против проведения подобной национальной политики.

Вот некоторые примеры того, как фиксировались результаты слежки за представителями абхазской общественности.

Читанова Ш.И., начальник Абхазского отделения Союзпечати: «Пропали абхазские дети. Теперь большинство не будет учиться. Абхазцам трудно становиться жить в Абхазии» (Лакоба, 2003. С. 24).

Инспектор Гудаутского РОНО Габния Х., прикрепленный к селению Бармыш, сокрушался: «...дополнительно прибывают из Грузии большое количество работников грузин, и они займут все должности в районе, где работают абхазцы. Последних же снимут и пошлют в колхозы... Через некоторое время грузины окончательно захватят Абхазию и ничего абхазского здесь не будет...» (Лакоба, 2003. С. 132).

Слежка за представителями интеллигенции продолжалась и в послевоенные годы. В списке, составленном 25 января 1946 г., значатся как «к.р. националистически настроенные лица» Агрба А.Р., Гулиа Д.И., Гулиа Г.Д., Бгажба Х.С., Лакоба А.К., Чукбар Г.И., Хашба А.Л. и многие другие (Лакоба, 2003. С. 45–62). Список содержал их личные данные и «компрометирующие» материалы. Как следует из одной справки за 1947 г., слежка велась за более чем 50 представителями абхазской национальности (Лакоба, 2003. С. 65). Вся информация, добытая путем слежки, докладывалась Первому Секретарю Абхазского обкома Мгеладзе.

Подобные процессы, происходившие в обществе, были завуалированы советской цензурой. Принятые решения по социально-экономическим и политическим вопросам публиковались в газете «Советская Абхазия». Как официальный печатный орган Абхазского обкома КП Грузии, Верховного Совета Абхазской АССР и Совета Министров Абхазской АССР она освещала все происходившие в тот период события.

Согласно информационному сообщению из газеты «Советская Абхазия», война временно приостановила работы, связанные с большими капиталовложениями по ряду отраслей народного хозяйства, так как все силы были переключены на военные нужды. Однако, как сейчас известно, в то время велся процесс переселения грузин в Абхазию, реформа образования и т.п., что требовало определенных затрат.

После войны был принят план восстановления и развития народного хозяйства Абхазской АССР за четвертую пятилетку. Проект пятилетнего плана предусматривал: строительство новых кирпично-черепичных заводов в городах Сухум и Очамчира; капитальные работы в области жилищно-коммунального, административного и культурно-бытового строительства; достройку Дома Правительства в г. Сухум и административного дома в с. Дранда; строительство административного дома в г. Гал; пяти жилых домов в г. Сухум и десяти жилых домов в районных центрах Абхазии; средних школ, педагогических училищ, детсадов, библиотек и т.д. Особое внимание в плане уделялось восстановлению и развитию курортов республики. В области сельского хозяйства предполагалось увеличение площадей для отдельных видов многолетних насаждений, цитрусовых, тунга и др. Данный план также предусматривал продолжение переселенческой политики.

За 1945 г. в переселенческих колхозах Абхазской АССР было поселено 288 хозяйств из малоземельных районов Грузии (Сагария, 1992. С. 133), а с окончанием войны переселение грузин в Абхазию стало массовым. В одном из секретных писем от 30 мая 1945 года Нарком Госбезопасности Абхазии И.А. Гагуа сообщал: «в течение 1945–1946 годов в Очамчирский, Гудаутский, Гагрский и частично Сухумский районы будет переселено 1500 семей из Грузии» (Ачугба, 2010. С. 204).

При Совете Министров Абхазской АССР был создан переселенческий отдел, подчинявшийся переселенческому Управлению при Совете Министров Грузинской ССР (*Сагария, 1992. С. 152*). Он занимался приемом и хозяйственным устройством переселенцев из Грузии (*Сагария, 1992. С. 140*).

Поводом для переселения служили постановления руководства СССР экономического характера. Реализации подобных планов способствовал «правильный подбор» руководящих кадров. Многочисленные кадровые перестановки в 1945 г. демонстрируют, что при назначениях предпочтение отдавалось представителям грузинской национальности (*Газ., №159. 1945*). Среди партийных работников безусловно были и абхазы, и русские, однако это было редким исключением. Должности эти носили номинальный характер и не предусматривали участия в принятии важных решений. Как отмечает в своих воспоминаниях тогдашний второй секретарь Гудаутского райкома комсомола Р.К. Хикуба, «такая ситуация наблюдалась на протяжении 50-х г., поскольку Абхазская АССР де-юре существовала и нельзя было не иметь в аппаратах Обкома партии и Совета Министров работников из лиц абхазской национальности, А.И. Мгеладзе держал по одному работнику для статистики» (*Хикуба, 2011. С. 34*).

В 1946 г. Верховный Совет утвердил пятилетний план восстановления народного хозяйства Абхазской АССР на 1946–1950 гг. Он включал развитие угольной промышленности, строительство новых шахт в Ткуарчале и Бзыпте, развитие электрификации, большое строительство шоссейных дорог (*Газ., №160. 1946*).

Важным политическим изменением в 1946 г. стал указ «О преобразовании СНК Абхазской АССР в Совет Министров Абхазской АССР». Вслед за этим были внесены изменения в структуру и состав министерств.

За обозначенный период дважды прошли выборы в Верховный Совет Абхазской АССР – в 1947 и 1951 гг.

В начале марта 1947 г. прошли первые послевоенные выборы, а 30 марта состоялась Первая сессия, на которой был избран Президиум Верховного Совета Абхазской АССР. Его возглавил М. К. Делба.

Также было образовано Правительство Абхазской АССР — Совет Министров. В его национальном составе преобладали грузины. Председателем также был выдвинут грузин А.И. Мирцхулава (*Газ., №65. 1947*).

Новоизбранный Совет Министров Абхазской АССР утвердил Государственный план развития народного хозяйства Абхазской АССР на 1947 год. Он включал развитие сети театральных, музыкальных и зрелищных предприятий, а также расширение сети лечебных учреждений Министерства здравоохранения. За 1947 год в городах и селах Абхазии планировалось подготовить 1599 больничных коек. Значительные затраты планировались по электрохозяйству в целях подготовки к приему электроэнергии Сухумской гидроэлектрической станции, и продолжение работы по строительству нового водопровода в г. Сухум (*Газ., №93. 1947*).

В то же время в соответствии с полученным сверху указанием планировалась замена географических названий на территории Абхазии на грузинский лад. Изменение топонимики было еще одним методом ассимиляции абхазов. В марте 1947 г. при Президиуме Верховного Совета Абхазской АССР была создана комиссия по транскрипции наименований населенных пунктов (*Сагария, 1992. С. 500*). А 20 августа 1948 г. Президиумом Верховного Совета Абхазской АССР было принято Постановление «О переименовании некоторых сельских советов и сел, и объединении некоторых сел Абхазской АССР» (*Сагария, 1992. С. 501*). В результате оказались переименованы 1 поселковый совет, 24 сельских совета и 122 населенных пункта (*Сагария, 1992. С. 514*).

Новые грузинские название получили и те населенные пункты, где в XIX в. в процессе колонизации Абхазии поселились русские и представители других народов, дав им свои названия взамен абхазских.

Переименования производились и в дальнейшем. Так 15 августа 1950 г. было принято постановление «О переименовании некоторых остановочных пунктов Закавказской железной дороги, расположенных на территории Абхазской АССР», а 19 июля 1952 г. был издан указ о переименовании некоторых сельских советов и сел Абхазской АССР (*Сагария, 1992. С. 510*).

В.Е. Кварчия отмечает: «спешное, тотальное переименование населенных пунктов Абхазии в 40-х, 50-х гг. сопровождалось искажением истории абхазского народа, произвольным истолкованием еще не переименованных грузинскими деятелями исторических названий края» (*Кварчия, 2006. С. 14*).

Подобные факты не могли не вызвать нареканий в абхазской среде. В 1947 г. впервые было открыто сказано о нарушениях национальных прав абхазов. Этот протест был выражен в форме письма трех представителей абхазской интеллигенции.

25 февраля 1947 г. кандидат исторических наук Г.А. Дзидзария, кандидат филологических наук, поэт Б.В. Шинкуба и кандидат филологических наук К.С. Шакрыл написали письмо секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецову. В нем говорилось о нарушениях в языковой политике, переименовании топонимии на грузинский лад, массовом заселении Абхазии грузинами, кадровой политике, не допускавшей абхазов к руководству и пр. В ответ были предприняты репрессивные меры в отношении авторов «Абхазского письма» (*Лежава, 1997. С. 130–131*).

С 1945 по 1953 г. состоялись четыре партийные конференции: в 1949, 1951, 1952, 1953 гг. На них как правило обсуждались отчеты Абхазского обкома КП(б) Грузии о проделанной работе, отчеты ревизионной комиссии, избирались областной комитет партии и секретари обкома. В работе конференции обязательно участвовал кто-то из высокопоставленных чиновников Грузинской ССР – Председатель Совет Министров и др. (*Берулава, 1980. С. 69–83*).

В 1949 г. ситуация в кадровом вопросе была следующей. Все секретари райкомов и горкомов были грузинами: А. Кандария – секретарь Сухумского горкома, Р. Бохуа – секретарь Гудаутского райкома, И. Зоделава – секретарь Ткварчельского горкома, Н. Чхотуа – секретарь Гагрского райкома, Н. Гвилава – секретарь Очамчирского райкома, А. Берия – секретарь Сухумского райкома, В. Джикия – секретарь Гульрипшского райкома, А. Чежия – секретарь Гальского райкома (*Газ., №93. 1949*). Такая ситуация была и в предыдущие годы и сохранялась вплоть до 1953 года.

В 1949 г. на территории Абхазской АССР грузинские власти проводят крупную переселенческую компанию – «операцию «Волна», которая предусматривала выселение греков из Абхазии. 28 мая 1949 г. на особом совещании при МГБ СССР было принято решение о выселении греков, турок и армян-дашнаков из Закавказья и Причерноморья (*Пачулия, №66. 1999*).

В результате проведения операции было выселено 4880 семей (23043 человека), из них: турок – 361 семья (1058 человек), греков – 4474 семьи (21837 человек), дашнаков – 45 семей (148 человек) (*Иониди, 2006. С. 24–25*).

Н.Н. Иониди отмечает, что с 14 по 19 июня из Абхазии было выселено около 27 тысяч человек, в т.ч. 10 тысяч детей (*Иониди, 2006. С. 31*).

По другим данным, приведенным в публикации В.М. Пачулия, в результате операции «Волна» 14 и 17 июня 1949 г., были выселены 28289 человек (*Газ., №66. 1999*).

9 февраля 1951 год истек срок полномочий Верховного Совета Абхазской АССР второго созыва, и на 18 февраля были назначены выборы.

27 апреля 1951 г. открылась первая сессия Верховного Совета Абхазской АССР третьего созыва.

Председателем Верховного Совета Абхазской АССР был избран депутат И.Н. Тускадзе (*Газ., №84. 1951*), Председателем Президиума Верховного Совета – А.М. Чочуа, а Правительство Абхазской АССР — Совет Министров возглавил М.К. Делба. За исключением нескольких человек правительство, как и прежде, состояло из грузин.

В 1951 г. были произведены кадровые изменения и среди секретарей Абхазского обкома. А.И. Мгеладзе был переведен на руководящую партийную работу в Кутаиси, в связи с чем Первым секретарем Абхазского обкома КП(б) Грузии был избран Ш.Д. Гетия (*Газ., №85. 1951*). Поскольку такие высокие должности по партийной линии абхазам не доверяли была проведена перестановка кадров из числа чиновников-грузин.

О беззакониях, происходивших в Абхазии, говорится в письме, с которым сестры Е.П. и Т.П. Шакрыл (аспирантки Института языкознания) обратились в 1952 г. к Президиуму 19 съезда ВКП(б), лично к Сталину и Маленкову.

Они просили восстановить права абхазского народа получать образование на родном языке, готовить специалистов по родному языку, развивать свою национальную культуру (*Марыхуба, 1994. С. 90*).

Рассказать о нарушениях национальной политики, имевших место в Абхазской АССР при жизни Сталина, было смелым шагом.

После марта 1953 г. в Абхазии начались подвижки в направлении реабилитации репрессированного абхазского народа. Данный процесс носил половинчатый и часто лишь демонстративный характер. 20 апреля 1953 г. Пленум Абхазского обкома КП(б) Грузии освободил от должности первого секретаря Ш. Гетия (*Газ., №78. 1953*). Началась кампания по критике работы бывшего руководства Абхазского обкома партии.

Тогда же впервые за долгое время среди руководителей Абхазской АССР высшего ранга появляются кадры абхазской национальности, отстаивающие интересы своего народа. Среди таких назначений были А.Т. Отырба – на должность заведующего отделом пропаганды и агитации Абхазского обкома КП Грузии (19 июня 1953 г.) и А.М. Лабахуа – на должность Председателя Совета Министров (2 октября 1953 г.). Должность Первого секретаря Абхазского обкома КП(б) Грузии абхазу не доверили, им стал грузин Г.А. Гегешидзе (*Газ., №194. 1953*).

19 сентября 1953 г. на заседании пленума ЦК КП Грузии выступавший от Абхазской АССР А.Т. Отырба рассказал о нарушениях в национальной политике (*Колбая, 2016. С. 317*). Это выступление вызвало большой резонанс, поскольку впервые со столь высокой трибуны открыто говорилось о фактах грузинизации (*Отырба, 2017. С. 60–62*).

Резюмируя, стоит отметить, что общественно-политическая ситуация в Абхазии в рассматриваемый период представляла собой продолжение начатой в 1937 г. политики ассимиляции и репрессий по отношению ко всему абхазскому. Даже Великая Отечественная война лишь замедлила, но не остановила этот процесс.

Закрывались абхазские школы, менялась топонимика, проводилось массовое переселение грузин в Абхазию. Отдельной трагической страницей стала операция «Волна» по выселению греков, являвшаяся частью плана по освобождению земель для переселенцев из Грузии. В подборе руководящих кадров по партийной линии преимущество также отдавалось грузинам, абхазов могло быть несколько человек на весь штат Совета Министров Абхазской АССР.

Представители интеллигенции как передовая часть общества неоднократно выступала в защиту национальных прав абхазов. Это были письменные обращения с перечислением фактов дискриминации абхазского этноса и его культуры. Однако

ситуация не изменилась, авторы писем лишь навлекли на себя гнев партийного руководства.

Лишь с 1953 г. в Абхазской АССР начинаются преобразования: допускается критика работы предыдущего руководства республики, изменяется кадровая политика Грузинской ССР, восстанавливаются абхазские школы. Тем не менее, оставалось еще много неразрешенных вопросов, которые в дальнейшем неоднократно становились причиной грузино-абхазских противоречий и в конечном итоге вылились в национально-освободительное движение абхазского народа.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Гегия Елена Геннадиевна

Младший научный сотрудник отдела истории

Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии

E-mail: gegiya.elana@mail.ru

Gegia Elena Gennadijevna

Junior Researcher

Department of History

D. I. Gulia Abkhazian Institute of Humanitarian Studies of the Academy of Sciences of Abkhazia

E-mail: gegiya.elana@mail.ru

Литература

1. Абхазия: документы свидетельствуют. 1937–1953 гг. Сборник материалов. (Сост. Сагария Б.Е., Ачугба Т.А., Пачулиа В.М.). Сухум: «Алашара», 1992. 556 с.
2. Абхазские письма 1947–1989. Сб. док. (Сост. И. Марыхуба). Т. 1. Сухум: «Эль-Фа», 1994. 528 с.
3. Абхазский архив. XX век. Вып. 1. Сост. Лакоба С.З., Анчабадзе Ю.Д. М., 2003. 179 с.
4. Ачугба Т.А. Этнополитическая история абхазов XIX–XX вв. Сухум, 2010. 356 с.
5. Берулава Б.Г. 35 Конференций Абхазской Областной Организации Компартии Грузии. Сухуми, 1980. 180 с.
6. Газ. «Советская Абхазия». №159. 14 августа 1945.
7. Газ. «Советская Абхазия». №194. 5 октября 1945.
8. Газ. «Советская Абхазия». №160. 13 августа 1946.
9. Газ. «Советская Абхазия». №162. 16 августа 1946.
10. Газ. «Советская Абхазия». №65. 1 апреля 1947.
11. Газ. «Советская Абхазия». №93. 13 мая 1947.
12. Газ. «Советская Абхазия». №93. 13 мая 1949.
13. Газ. «Советская Абхазия». №84. 28 апреля 1951.
14. Газ. «Советская Абхазия». №85. 30 апреля 1951.
15. Газ. «Советская Абхазия». №78. 21 апреля 1953.
16. Газ. «Советская Абхазия». №194. 3 октября 1953.
17. Газ. «Эхо Абхазии» №5. 26 января 1999.
18. Иониди Н.Н. 1949 (технология преступления). Сухум: «Алашара», 2006. 80 с.
19. Кварчия В.Е. Историческая и современная топонимия Абхазии (Историко-этимологическое исследование). Сухум, 2006. 328 с.
20. Колбая Г.Н. Слово об Аслане Отырба // «Акуа–Сухум». 2016. № 1. С. 297–330.
21. Куправа А.Э. Культура Советской Абхазии за 60 лет. Сухуми: «Алашара», 1981. 116 с.
22. Лежава Г.П. Между Грузией и Россией. Исторические корни и современные факторы абхазо-грузинского конфликта (XIX–XX вв.). М., 1997. 272 с.
23. Отырба Аслан. По лезвию кинжала. М. – Сухум: АБИГИ, 2017. 832 с.
24. Пачулиа В.М. Операция «Волна» – это депортация более 30 тысяч греков, турок и армян // Республика Абхазия. № 66, 12–13 июня 1999. С. 3–4.
25. Хукуба Р. Воспоминания и размышления. М.: Р. Валент, 2011. 192 с.

References

1. Abkhazia: documents attest. 1937-1953. Collection of materials. (Comp. Sagaria B. E., Achugba T. A., Pachulia V. M.). Sukhum: "Alashara", 1992. 556 p.
2. Abkhazian letters 1947-1989. Sat. doc. (Comp. by I. Marykhuba). Vol. 1. Sukhum: "El-Fa", 1994. 528 p.
3. Abkhazian Archive. XX century. Issue 1. Comp. Lakoba S. Z., Anchabadze Yu. D. M., 2003. 179 p.
4. Achugba T.A. Ethnopolitical history of the Abkhazians of the XIX-XX centuries. Sukhum, 2010. 356 p.

5. Berulava B.G. 35 Conferences of the Abkhazian Regional Organization of the Communist Party of Georgia. Sukhumi, 1980. 180 p.
6. Gas. "Soviet Abkhazia". №159. August 14, 1945.
7. Gas. "Soviet Abkhazia". No. 194. October 5, 1945.
8. Gas. "Soviet Abkhazia", No. 160. August 13, 1946.
9. Gas. "Soviet Abkhazia". No. 162. August 16, 1946.
10. Gas. "Soviet Abkhazia". No. 65. April 1, 1947.
11. Gas. "Soviet Abkhazia". No. 93. May 13, 1947.
12. Gas. "Soviet Abkhazia". No. 93. May 13, 1949.
13. Gas. "Soviet Abkhazia". No. 84. April 28, 1951.
14. Gas. "Soviet Abkhazia". No. 85. April 30, 1951.
15. Gas. "Soviet Abkhazia". No. 78. April 21, 1953.
16. Gas. "Soviet Abkhazia". No. 194. October 3, 1953.
17. Gas. "Echo of Abkhazia" No. 5. January 26, 1999.
18. Ionidi N.N. 1949 (technology of crime). Sukhum: "Alashara", 2006. 80 p.
19. Kvarchia V.E. Historical and modern toponymy of Abkhazia (Historical and etymological research). Sukhum, 2006. 328 p.
20. Kolbaya G.N. Slovo ob Aslane Otyrba / / "Akua-Sukhum". 2016. No. 1. P. 297-330.
21. Kuprava A.E. Culture of Soviet Abkhazia for 60 years. Sukhumi: "Alashara", 1981. 116 p.
22. Lezhava G.P. Between Georgia and Russia. Historical roots and modern factors of the Abkhazian-Georgian conflict (XIX-XX centuries). Moscow, 1997. 272 p.
23. Otyrba Aslan. On the blade of the dagger. M.-Sukhum: AbIGI, 2017. 832 p.
24. Pachulia V.M. Operation "Wave" is the deportation of more than 30 thousand Greeks, Turks and Armenians. "Republic of Abkhazia". No. 66, June 12-13, 1999. P. 3-4.
25. Hikuba R. Memoirs and reflections. Moscow: R. Valent, 2011. 192 p.

Поступила в редакцию

5 июня 2020 г.

УДК 94

**К.С. Шакрыл и вопросы национально-освободительного движения
абхазского народа****А.Ф. Авидзба***Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа,
г. Сухум, Абхазия*

Аннотация: В статье раскрываются вопросы национально-освободительного движения абхазского народа. Автор говорит о культурных и языковых преобразованиях в Абхазии, которые вели к катастрофическим последствиям для абхазского народа, особенно в плане преподавания в школах, о проблемах для развития абхазской интеллигенции и потери национально-культурной идентичности у молодежи. В исследовании также затрагиваются вопросы переселения греков, турок и других народов и заселения на их место грузин, о репрессиях по отношению к народам, проживающим на территории Абхазии.

В работе раскрывается понятие «абхазские письма», как составная часть национально-освободительного движения абхазского народа XX века. Особое внимание уделено первому письму, авторами которого были К. Шакрыл, Б. Шинкуба и Г. Дзидзария. Отправляя его в 1947 г. в Москву в ЦК ВКП(б), раскрывая в нем притеснения, которым подвергается абхазский народ, они понимали, что фактически подписывают себе приговор и обрекают себя на репрессии, но, тем не менее, идут на этот шаг. В статье описывается их дальнейшая судьба и трудности, с которыми им пришлось столкнуться.

Ключевые слова: Абхазия; национально-освободительное движение; «абхазские письма»; репрессии; К. Шакрыл; Б. Шинкуба; Г. Дзидзария; языковая реформа.

Для цитирования: Авидзба А.Ф. К.С. Шакрыл и вопросы национально-освободительного движения абхазского народа // Caucasian Science Bridge. 2020. Том 3. № 3 (9) С. 18-28.

K. S. Shakryl and issues of the national liberation movement of the Abkhaz people**Aslan F. Avidzba***D.I. Gulia Abkhazian Institute of Humanitarian Research,
Sukhum, Abkhazia*

Abstract: The article reveals the issues of the national liberation movement of the Abkhaz people. The author describes cultural and linguistic transformations in Abkhazia, which led to disastrous consequences for the Abkhaz people, especially in terms of teaching in schools, and the problems for the development of the Abkhaz intelligentsia and the loss of national and cultural identity among young people. The article also touches upon the issues of resettlement of Greeks, Turks and other peoples and the settling of Georgians in their place, about repressions against the peoples living in the territory of Abkhazia.

The work reveals the concept of "Abkhaz letters" as an integral part of the national liberation movement of the Abkhaz people of the XX century. Special attention is paid to the first letter, the authors of which were K. Shakryl, B. Shinkuba and G. Dzidzaria. Sending it in 1947 to Moscow to the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, revealing in it the oppression to which the Abkhaz people are subjected, they understood that in fact they were signing a verdict for themselves and dooming themselves to repression, but nevertheless they took this step. The article describes their further fate and the difficulties they had to face.

Key words: Abkhazia; national liberation movement; "Abkhaz letters"; repression; K. Shakryl; B. Shinkuba; G. Dzidzaria; language reform.

For citation: Avidzba A. F. K. S. Shakryl and issues of the national liberation movement of the Abkhaz people // Caucasian Science Bridge. 2020. Vol 3. No 3 (9) P. 18-28.

В абхазской историографии за последние десятилетия утвердился термин «Абхазские письма», которые являются составной частью национально-освободительного движения абхазского народа 20 века. Требования «абхазских писем» в зависимости от исторического контекста и времени их написания менялись, но их объединяли вопросы сохранения национальной идентичности и абхазской государственности.

В. Ардзинба в выступлении на Первом Съезде народных депутатов СССР

2 июня 1989 г. подчеркивал: «В истории абхазского народа 1937-1953 годы стали периодом, когда стоял вопрос о ликвидации народа как такового» (*Эпоха Ардзинба, 2009*). В связи с этим интересно мнение грузинского историка Г. Лежава, который пишет: «Языково-культурные преобразования в Абхазии, проводимые с 1937 г по 1953 г., опирались на теоретические построения сталинской школы в языкознании, а критики этих преобразований, напротив, апеллировали к марровскому «Новому учению о языке» (*Лежава, 1997*).

Однако тогда речь шла не только о культурных и языковых преобразованиях в Абхазии. В названном выступлении В. Ардзинба далее говорилось: «Была обезглавлена нация: уничтожены все виднейшие государственные и партийные лидеры Абхазии, и практически вся интеллигенция. Массовым репрессиям подверглось крестьянство. С 1940 года абхазский народ перестали называть «абхазским народом». С 1941 года прекратились радиопередачи на абхазском языке. В 1945-1946 годах были закрыты абхазские школы, и преподаватели остались вне школ. Абхазцев практически не стало в руководящих партийных и советских органах. Было начато массовое насильственное переселение в Абхазию. На переселение тратились огромные средства, оно не прекращалось даже в тяжелые 1941-1942 годы. Из Абхазии были выселены греки, турки и другие народы, а их дома переданы переселенцам из районов Грузии. За счет такого искусственного прироста абхазцы оказались в меньшинстве на своей древней родине. Подверглись изменениям исконные названия населенных пунктов в Абхазии. О серьезных нарушениях в области национальной политики по отношению к абхазскому народу говорилось в коллективных и личных письмах, с которыми обращались в центральные партийные и советские органы представители различных слоев абхазского народа – интеллигенции, рабочего класса и крестьянства в 1947, 1957, 1967, 1978, 1988 годах» (*Эпоха Ардзинба, 2009*).

Действительно, история «Абхазских писем» ведется с 1947 г., когда представителями абхазской интеллигенции – К. Шакрыл, Б. Шинкуба и Г. Дзидзария, – было подготовлено и послано в Москву, в высшие партийные органы, письмо с изложением фактов ущемления и притеснения абхазского народа.

Ситуацию, сложившуюся перед появлением «Абхазского письма» 1947 г. К. Шакрыл характеризует как национально-культурный геноцид, осуществлявшийся Грузией в отношении абхазского народа (*Шьакрыл, 1991*).

О возникновении идеи написания письма и воплощении ее в жизнь рассказывает в своих воспоминаниях К. Шакрыл. Он, Б. Шинкуба и Г. Дзидзария были очень близкими друзьями и работали вместе. Часто они обсуждали систематические нарушения национальной политики в Абхазии и были уверены, что об этих искривлениях в ЦК ВКП(б) не знали. Поэтому посоветовавшись, решили написать в ЦК ВКП(б) обо всем, что здесь происходило. С учетом того режима в Абхазии, это решение было самопожертвованием, безусловно, их могли и расстрелять – заключил К. Шакрыл (*Шьакрыл, 1991*). Но это их не остановило.

К. Шакрыл был близким другом известного советского лингвиста, профессора Г. П. Сердюченко. Так совпало, что Константин Семенович тогда был в командировке в Москве, во время которой он встретился со своим другом, которому рассказал о письме в ЦК ВКП(б). Московский лингвист поддержал идею письма, но не скрыл и об опасности, связанной с таким шагом. Г. Сердюченко был хорошо знаком с секретарем ЦК ВКП(б) А. Кузнецовым, и посоветовал адресовать «абхазское письмо» именно ему.

Здесь следует сказать, что личность Г. Сердюченко очень интересовала секретаря ЦК КП Грузии П. Шария, присланного тогда из Грузии «образумить» авторов письма.

– Кто такой Сердюченко? – спросил «высокий гость» во время беседы с авто-

рами письма 5 августа 1947 г. в Абхазском обкоме

– Сердюченко Георгий Петрович – ученый, языковед, член-корр. Академии педагогических наук СССР. У нас есть общие научные интересы. Встречаемся. Я бываю в Москве, он приезжает в Абхазию. Но никакой группы у нас нет – ответил К. Шакрыл.

– Вы думаете, я вам поверил? – то ли сострил, то ли пригрозил тогда П. Шария (*Шьякрыл, 1991*).

Вслед за К. Шакрыл тогда в Москву в командировку ездил Г. Дзидзария, который, в свою очередь, встретился со своим другом, сотрудником аппарата ЦК, и сообщил о планах направить письмо в ЦК. «Это очень опасно, могут и расстрелять, но стоит решиться, напишите» – посоветовал тот (*Шьякрыл, 1991*).

Окончательный текст самого письма был подготовлен и подписан 2 февраля 1947 года. Но проблема в том, что документ с таким содержанием нельзя посылать почтой – перехватили бы, никому также не поручишь. Поэтому нужно было кому-то из его авторов доставить его адресату. Случилось так, что Б. Шинкуба нужно было поехать в Москву, который и повез секретно письмо. Там он нашел Г. Сердюченко и ознакомил его с текстом. Последний добавил небольшое сопроводительное письмо, и оно было сдано во внутреннюю почту ЦК (*Шьякрыл, 1991*). Это было 5 апреля 1947 г. (*Лежава, 1997*).

В последующих письмах и обращениях абхазского народа неизменно делалась ссылка на это первое историческое письмо. В частности, Е. и Т. Шакрыл в письме Сталину от 11 октября 1952 г. отмечали: «Очень просим Вас не посылать наше заявление в Грузию, поскольку нам известно, что посылавшийся в Грузию подобные заявления никогда не приводили к положительным результатам, а посылавшие такие заявления в ЦК ВКП(б) подвергались затем репрессиям со стороны грузинских центральных организаций» (*Абхазские письма, 1994*). Имелись в виду письмо 1947 года и его авторы.

В письме «ста тридцати» высшему руководству Советского государства от 10 декабря 1977 г. было сказано: «Выражением гнева и возмущения народа, вызванных этим антиабхазским действием бериевщины (закрытие абхазских школ – А. А.) явилось, в частности, письмо в ЦК КПСС, написанное в 1947 году и подписанное представителями абхазской интеллигенции: Б.В. Шинкуба, Г. Дзидзария и К.С. Шакрыл» (*Абхазские письма, 1994*).

В приложении к письму 19 Всесоюзной партийной конференции, в т. н. «письме шестидесяти», составленном летом 1988 г. говорилось: «Вопрос о бедственном положении, в котором оказались абхазские школы в результате их перевода на грузинский язык обучения, был поставлен в 1947 году перед ЦК КПСС видными представителями абхазской интеллигенции: Б.В. Шинкуба, Г. Дзидзария и К.С. Шакрыл» (*Абхазские письма, 1994*).

Авторы письма ждали ответа на свое письмо, но он так и не последовал из Москвы. Как К. С. Шакрыл пишет: «Берия, оказывается, к тому времени выстроил такую систему, что все письма такого содержания сначала попадали в его руки» (*Шьякрыл, 1991*). Рассматриваемое письмо также сначала попало к нему. Фактически это подтверждает и Г. Лежава, который сообщает следующее: «Письмо было направлено на заключение зав. отделом науки 6 июня, т. е. оно не менее двух месяцев находилось в распоряжении секретариата А.А. Кузнецова. И с этим письмом могли ознакомиться и другие секретари, и члены Политбюро ЦК ВКП(б), не исключая Сталина и Берия. Возможно, они и обговорили, как это бывало, вариант изучения фактов, изложенных в письме, а после оно было передано Г. Александрову на заключение. По рекомендации Александрова оно было направлено в ЦК КП Грузии». Затем названный автор, оправдывая только что описанную им процедуру, вопрошает: «Спрашивается, разве

такая практика не продолжалась и после марта 1953 г.» (*Лежава, 1997*).

Г. Лежава задает этот вопрос, будто не понимая, что такая практика, когда бы она не проводилась, независимо, до или после 1953 г., является несправедливой по отношению к абхазам. Ибо сам факт игнорирования писем и обращений представителей абхазского народа Москвой и возвращения их для разбирательств в Тбилиси создавал условия не для выяснения фактов, изолгавшихся в письмах, а скорее для избиения их авторов. Эта практика ставила в полную зависимость от Тбилиси абхазов, которые должны были стать лишь удобением для облагораживания грузинской нации. Причем это делалось неприкрыто по факту и под громогласными заявлениями о дружбе народов.

Позволительно спросить: Разве такая практика не является порочной?

Правда далее к чести Г. Лежава, он пишет следующее: «Надо признать нелогичность такого порядка разбирательств спорных вопросов, тем более вопросов, касающихся межнациональных отношений». Но при этом оговаривается: «Но, видимо приходится считаться и со второй стороной вопроса: недовольством руководителей союзных республик нарушением своих элементарных суверенных прав» (*Лежава, 1997*). В рассматриваемое время вряд ли это может быть аргументом в пользу того, что письмо вернули в Грузию. Ведь тогда речь шла о взаимоотношениях внутри жестко регламентированной тоталитарной иерархии, основой которой являлся культ «отца всех народов». В этих условиях говорить о том, что приходилось считаться с мнением руководителей республик – смешно. Правда тогдашняя Москва, как и Тбилиси, в нужное время ехидно прикрываясь от ответственности и издеваясь над действительностью, ссылаясь на решения и пожелания нижестоящих органов.

Итак, письмо переслали в Тбилиси. 17 июля Бюро ЦК КП Грузии приняло решение о проверке фактов, изложенных в нем, а уже 8 августа секретарь ЦК КП(б) П.А. Шария доложил о результатах. Эта «оперативность, проявленная при изучении дела», по мнению Г. Лежава, свидетельствует о принципиальном значении, которое придавалось этому вопросу в ЦК ВКП(б) (*Лежава, 1997*). Другой грузинский автор З. Папаскири сообщает, что «изучив состояние дел на месте, П.А. Шария составил докладную записку на имя первого секретаря ЦК КП(б) Грузии Кандида Чарквиани, в которой опровергались обвинения в адрес Абхазобкома и ЦК КП(б) Грузии» (*Папаскири, 2010*).

О методах составления этой докладной рассказывает Лежава: «...Шария выехал в Абхазию, побывал в Сухуми, Гудаутском и Очамчирском районах. В Гудауте и Очамчире он имел беседу с работниками райкомов партии, с председельсовета с. Дурипш Цкан Я.Д. (чл. ВКП(б), председателем колхоза того же села Ардзинба Г., с колхозником-стахановцем Темуром Тарба. В связи с летними каникулами побывать в школах ему не удалось. «Все указанные товарищи выражали удовлетворение по поводу проведенных мероприятий» – пишет П. Шария в докладной записке на имя первого секретаря ЦК КП Грузии Чарквиани. Эта двенадцатистраничная записка посвящена опровержению обвинений в адрес ЦК КП Грузии со стороны Дзидзария, Шинкуба и Шакрыл» (*Лежава, 1997*).

Причем сам Г. Лежава прекрасно знает, какие были настроения у абхазов по поводу проводившихся тогда мероприятий, ибо их беспрестанно фиксировали грузинские спецслужбы. Эти недовольства усилились после закрытия абхазских школ. Здесь Лежава изображает из себя наивного человека, который доверяет всему тому, что тогда писалась в докладных записках по поводу состояния дел в Абхазии. В документах, предназначенных для широкого круга и Москвы, писалось то, что нужно было, а не то, что происходило на самом деле. Эти документы никакой ответственности перед правдой не несли, ибо составлялись в виде формальной отписки о выполнен-

ной работе.

П. Шария не считал нужным никаким образом отразить в своей докладной записке следующий факт.

– Если в Абхазии такие нарушения, то почему их кроме вас никто не видит? Вы что самые прозорливые? – многозначительно спрашивал он авторов письма во время встречи с ними в обкоме 5 августа.

– Это видно и слепому. Видят многие, но боятся высказать свое мнение вслух. – Ответили ему.

– Значит только вы трое герои? – раздраженно отреагировал фразой-вопросом Шария тогда (*Шьякрыл, 1991*).

А во время своих «поисков» информации для своей докладной записки «не нашел» никого, кто бы так думал.

П. Шария был прислан тогда в Абхазию, чтоб доказать безупречность грузинского ЦК перед лицом ЦК ВКП(б). В названной докладной не могло быть ничего кроме опровержения обвинения в адрес ЦК КП Грузии, ибо изначально было ясно какой ответ будет получен после того как разбирательство фактов, изложенных в письме, было возложено на ЦК КП Грузии. Уже в силу этого, всякие упражнения и «размышления» по поводу того, что Москва требовала правды, не выдерживают никакой критики.

Если бы в Москве хотели разобраться в ситуации, то прислали бы проверку именно оттуда, куда обращались авторы письма, ибо в нем они критиковали грузинскую парторганизацию. Этот факт умалчивается современными грузинскими авторами, которые по очень странному стечению обстоятельств в этом вопросе становятся полными и безоговорочными единомышленниками коммунистических функционеров Грузии сталинского периода, при этом в остальное время называя себя демократами и клеймя советский режим оккупационным. Отрицая и даже порицая большевизм, коммунизм, да и вообще все, что делалось в советское время в Грузии во всех остальных областях, одновременно они поддерживают, более того восхваляют и стараются подкрепить дополнительной аргументацией политику насильственной ассимиляции абхазов, проводившейся Грузией в период советской власти.

5 августа 1947 г. в присутствии Председателя ВС Абхазии М. Делба и первого секретаря Абхазского обкома И. Мгеладзе в Обкоме партии состоялся разговор П. Шария с авторами письма:

– Вы и сегодня согласны с тем, что написано в письме? – спросил он их.

– Мы считаем, что написали правду. И до сих пор нет никаких изменений. – Ответил один из них.

В ходе дальнейшего разговора, после очередной долгой паузы, Шария вдруг заявил:

– Такие кадры, как вы, нужны не только для Абхазии, но и для всей республики. Не хочу портить ваши дела. Вы поторопились, с кем не бывает – попросите прощения, и все встанет на свои места.

Но ему ответили, что об этом даже говорить бессмысленно. После этого, в разговор вступил М. Делба, который по-абхазски в довольно грубой форме предложил авторам письма согласиться на предложение П. Шария. Последний, в свою очередь, также убедившись, что по-хорошему не получится, стал пугать: «Если не согласитесь, будет плохо».

– Вы слышали, что от вас требуется, хорошо подумайте. Вы до сих пор не осознаете своего заблуждения. Идите, и принести документ о том, что вы ошиблись. Сами не портите себе жизнь. – Советовал вступивший в разговор А. Мгеладзе (*Шьякрыл, 1991*).

Хотя авторы письма ответили отказом, им все же дали сутки на обдумывание.

На второй день они пришли в Обком с этим же мнением и тогда им в довольно грубой форме предложили прибыть «на ковер» в Тбилиси. В Тбилиси на бюро особо интересовались тем, кто надоумил их написать письмо в ЦК ВКП(б) и, кто кроме них входит в их группу. Сам факт обращения был расценен как тяжелое преступление. Им был объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку с формулировкой «За попытку дезинформации ЦК ВКП(б) и клевету на абхазскую партийную организацию». Причем, у К.С. Шакрыл прямо на заседании бюро был отобран партийный билет и исключен из ЦК ВКП(б), что означало по сути смертный приговор. Не зря он и его друзья прощались друг с другом, когда поздно ночью его вторично вызвали, они думали, что его арестовывают, но оказалась К. Шакрыл позвали, чтобы вернуть ему партийный билет.

По истечении большого количества времени и событий П. Шария, к тому времени уже отбывший десятилетний приговор, утверждал, что поздней ночью 8 августа 1947 г. К. Шакрыл вернули партийный билет по его настоянию. Интересно, что менее чем через год после судилища над авторами абхазского письма, сам их «судья» оказался объектом обсуждения на бюро Грузинского ЦК. Ему тогда инкриминировалось, что «Шария П. А. в 1943 году, в связи со смертью сына (умер от туберкулеза) написал идеологически вредное произведение в стихах, проникнутое глубоким пессимизмом и религиозно-мистическими настроениями». Неизвестно, что стало причиной того, что про «мистические» и «не правильные» стихи вспомнили только через пять лет после их публикации, но Бюро ЦК КП(б) Грузии осудило издание «идеологически вредной книжки в стихах» Шария, постановило снять его с работы секретаря ЦК КП(б) Грузии по пропаганде и вместе с тем направило его на преподавательскую работу. Этим решением очень был недоволен, уже правда задним числом, В.М. Молотов в своем выступлении на пленуме ЦК КПСС 2 июля 1953 г., считая его излишним мягким. Дело в том, что П. Шария является фактическим автором, изданной под фамилией Л. Берия книги «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье» (Берия, 1936) и в силу этого «Берия особенно покровительствовал и, видимо, считал его своим идеологическим вдохновителем» и «вплоть до ареста Берия этот самый Шария работал в его секретариате и был его помощником по идеологическим вопросам» (*Пленум ЦК КПСС, 1953*). Но тогда до этих событий, было, казалось бы, далеко...

Что касается дальнейшей судьбы авторов письма 1947 г., то они долгое время, вплоть до смерти Сталина, подвергались гонениям, и делалось все для их дискредитации. Они постоянно обвинялись в «буржуазном национализме» и «фашизме», что по тем временам было равносильно ярлыку «враг народа».

Между тем, по-видимому, главным преступлением авторов считали даже не то, что они были не довольны ассимиляторской политикой Тбилиси по отношению к абхазам, а то, что они осмелились написать об этом в Москву, ревностное отношение к которой у тбилисских стратегов сложилось еще во времена царской России. К.С. Шакрыл уже будучи в Москве, фактически изгнанный из Абхазии, в 1950 г. в письме к Меленкову писал: «В беседе со мной по поводу моего письма в ЦК ВКП(б) А.И. Мгеладзе заявил: «Что вы (имеется в виду абхазы) имеете общего с русскими и с русским языком? Вы должны смотреть не на Москву, а на Тбилиси, вы имеете общность не с русскими, а с грузинами» (*Лежава, 1997*).

В частности, секретарь Абхазского обкома Тускадзе также был возмущен: «Они хотели оторвать историю и культуру абхазов от родной почвы общенациональной истории, и культуры Грузии. Я в своей работе по идеологическим вопросам, в частности по истории Абхазии и абхазов исходил из следующего положения: абхазы являются грузинским племенем, как и менгрельцы и сваны и на всем протяжении своей

истории были неотъемлемой частью грузинского народа; во-вторых, Абхазия была и является неотъемлемой частью Грузии не только политически, но по своему национальному составу» (*Лежава, 1997*). По-видимому, тогдашние чиновники пользовались одной и той же терминологией. В том же самом и в тех же выражениях обвинял авторов письма, и Председатель Верховного Совета Абхазии М. Делба (*Делба, 1951*).

22 и 26 июля 1949 г. Г. Сердюченко обратился с письмами к главному ученому секретарю АН СССР академику А. Топчиеву. В ней он поддержал авторов письма и осуждал позицию и поведение секретаря Шария (*Лежава, 1997*). В одном из названных писем говорилось: «По непроверенным еще данным во многих школах Абхазии прекращается сейчас и преподавание абхазского языка, как одного из школьных предметов.... Дискредитация (авторов письма) продолжается и по настоящее время» (*Лежава, 1997*).

С нового учебного года с сентября 1949 г. Г. Дзидзария был отстранен от работы преподавателем Сухумского государственного пединститута: «выражено политическое недоверие», как он сам писал в письме Мгеладзе от 18 октября 1949 г. (*Дзидзария, 2006*). Два раза, 12 октября 1949 г. и 9 марта 1950 г., директор института Р. Цулукидзе прислал уведомление о необходимости освободить занимаемую им жилплощадь в общежитии лекторов (*Дзидзария, 2006*).

Однако, судя по всему, тогда главным возмутителем спокойствия в Тбилиси, и его адептами в Сухуме был признан К. Шакрыл.

На заседании бюро КП Грузии 8 августа А. Мгеладзе заявил, что эту группу собрал К. Шакрыл и его за это следует строго наказать (*Шьякрыл, 1991*). Именно у него отобрали партийный билет, который, правда, потом в ту же ночь вернули.

Г. Лежава инициаторами постановки указанных вопросов перед ЦК ВКП(б) считал Г. Сердюченко и К. Шакрыл (*Лежава, 1997*).

З. Папаскири назвал авторов письма «К. С. Шакрыл и его команда» (*Папаскири, 2010*).

М. Делба считал, что группу научных работников, выступивших «с явно буржуазно-националистическим тезисом о недопустимости нарушения этнографической целостности абхазского населения» возглавлял К. Шакрыл (*Делба, 1951*).

Г. Дзидзария и Б. Шинкуба 5 ноября 1953 г. в письме на имя руководителей ЦК КПСС, секретарей ЦК КП Грузии и Абхазского обкома сообщали следующее: «Издевательства распоясавшихся горе-руководителей дошли до того, что один из нас, т. Шакрыл К. С. был и вовсе выжит из пределов Абхазии» (*Абхазские письма, 1994*). То же самое говорится в письме Г. Дзидзария в ЦК КП Грузии от 19 марта 1955 г. с той лишь разницей, что вместо «горе-руководителей» назван Мгеладзе (*Дзидзария, 2006*).

В конце концов, под предлогом поступления в докторантуру АН СССР К. Шакрыл вынужден был фактически бежать из Абхазии в отсутствие первого секретаря А. Мгеладзе, который очень был раздражен тем обстоятельством, что его вообще выпустили. Это было в 1949 г. Он стал работать научным сотрудником в Институте национальных школ. В Москве он регулярно писал письма в ЦК ВКП(б) с изложением плачевной ситуации в Абхазии, подкрепляя их новыми фактами о дискриминации абхазской нации (*Шьякрыл, 1991*). Те посылали эти письма в Тбилиси – оттуда – в Сухум. В обратном направлении в ответ шла информация о том, что все, что изложено в письме не соответствует действительности, а их автор является сумасшедшим. К. Шакрыл вызывали в ЦК ВКП(б) и знакомили с текстами ответов на его письма, но это его не останавливало.

Судя по всему, именно это обстоятельство стало причиной еще одного сценария, разыгранного против Шакрыл в 1951 г. Г. Дзидзария и Б. Шинкуба в уже названном документе от 5 ноября 1953 г. писали: «В мае 1951 г. бывший секретарь Абхаз-

ского обкома Мгеладзе вызвал нас в свой кабинет и заявил, что т. Шакрыл К.С., который в это время находился в Москве, совершил тягчайшее преступление перед партией, на что имеется специальное сообщение из ЦК ВКП(б)... Впоследствии нам стало известно, что «преступление» т. Шакрыл заключалась всего лишь в том, что он обратился в ЦК ВКП(б) с новым заявлением в котором он повторил некоторые положения нашего совместного письма от 1947 г. и просил о снятии с него партийного взыскания. На днях нам также стало известно, что Мгеладзе состряпал тогда пасквильную клеветническую характеристику на т. Шакрыл; пытаясь обмануть вышестоящие органы, Мгеладзе постарался приписать т. Шакрыл самые чудовищные обвинения» (*Абхазские письма, 1994*). Практически то же самое за исключением небольших редакционных изменений было изложено и в письме Г. Дзидзария в ЦК КП Грузии 19 марта 1955 г. (*Дзидзария, 2006*).

Сам К. Шакрыл впоследствии писал: «В мае 1951 г. в ЦК КП Грузии был распространен слух, будто я совершил какое-то тягчайшее преступление перед партией и народом... Тогда я уже третий год жил в Москве и имел тесную связь с Закавказским отделом ЦК ВКП(б). Когда в отдел поступили вышеуказанные документы из Грузии, меня вызвали познакомиться с ними. Я лично читал их. Конечно, это была явно преднамеренная провокация и грубейшая клевета, это подлость» (*Абхазские письма, 1994*).

Лежава, размышляя над «Абхазским письмом», делает следующий вывод: «Обстоятельства, связанные с написанием и последующим обсуждением письма Дзидзария, Шинкуба и Шакрыл, а также дискуссия по поводу оценки языковой и культурной политики Грузинской ССР в абхазской и юго-осетинской автономиях тесно связаны с борьбой марровской и антимарровской школ в языкознании, развернувшейся в тот период» (*Лежава, 1997*). Тем не менее, З. Папаскири пишет: «Уже не раз упомянутый нами Г.П. Лежава, досконально изучивший материалы, связанные с историей отправления жалобы абхазских ученых в ЦК ВКП(б), совершенно обосновано задает вопрос, почему письмо было направлено именно А. Кузнецову, курировавшему административный отдел и управление кадрами ЦК, а не А.А. Жданову, секретарю ЦК по агитации и пропаганде. Совершенно очевидно, и это хорошо показал Г.П. Лежава, что адресат был выбран не случайно, и что именно в аппарате А.А. Кузнецова находились люди, которые, возможно, даже сами спровоцировали «инициативу» абхазских ученых» (*Папаскири, 2010*).

Здесь нужно отметить, что указанный автор ссылается на работу Г. Лежава, где говорится следующее: «Создается впечатление, что проблемы, поднятые Г. Сердюченко и учеными из Абхазского института, ставились перед руководством ЦК ВКП(б) через секретаря ЦК ВКП(б) А. Кузнецова, курирующего административный отдел и управление кадрами ЦК. Однако их рассматривали по линии Управления агитации и пропаганды, которое курировал А.А. Жданов, а позднее М.А. Суслов. В дальнейшем, с этими же вопросами обращались к секретарю ЦК ВКП Г. М. Маленкову» (*Лежава, 1997*). И далее: «Имеется основание утверждать, что одним из спорных вопросов между А. Кузнецовым и А. Ждановым с М. Суловым являлась языковая политика, проводимая ЦК КП Грузии в Абхазской АССР» (*Лежава, 1997*). Как видно здесь далеко идущих выводов и многозначительных вопросов с подтекстом вселенского заговора против грузинского ЦК нет. Более того, Лежава считает «вполне естественно, что Г.П. Сердюченко, активный сторонник и ученик Марра, получив материал, свидетельствующий в пользу защищаемой им теории, дал ему ход и активно поддерживал авторов письма». «При этом, – продолжает ученый, – удар был направлен не только против Л. Берия, бывшего секретаря ЦК КП Грузии, имевшего прямое отношение к национальной политике в Абхазии, но и против сталинской концепции в языкозна-

нии вообще. Этим, в частности, объясняется тот факт, что письмо в ЦК ВКП(б) было направлено не на имя Сталина, а передано секретарю ЦК А.А. Кузнецову» (*Лежава, 1997*).

Тем временем, 28 ноября 1949 г. был освобожден от обязанностей члена Оргбюро ЦК ВКП(б) (*Лежава, 1997*), арестован, а 1 октября 1950 г. – расстрелян А. Кузнецов. Это обстоятельство также послужило для очередного издевательства над авторами письма. В письме Г. Дзидзария в ЦК КП Грузии 19 марта 1955 г., в частности, сообщалось: «После того как невинно был репрессирован секретарь ЦК ВКП(б) т. Кузнецов, которому мы непосредственно адресовали свое письмо в ЦК ВКП(б), Мгеладзе, почему-то окрыленный этим случаем, в своих истерических официальных выступлениях неоднократно заявлял: «Вы обратились именно к Кузнецову. Это не случайно, конечно. Кузнецов – враг народа. Попробуйте теперь написать ему. Пишите» (*Дзидзария, 2006*).

Показательно, что на этом же заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) 28 ноября 1949 г., где А. Кузнецова вывели из его состава, были утверждены на своих должностях: Чарквиани К.Н. – первым секретарем ЦК КП Грузии, Мгеладзе А.И. – первым секретарем Абхазского обкома КП Грузии, Делба М.К. – Председателем Совета Министров Абхазской АССР.

В дальнейшем в ходе «Лингвистической дискуссии» были разгромлен Марр и его учение о языке. В силу окончательной победы антимарровского направления в языкознании вопрос поступивших писем относительно ситуации в Абхазии и Южной Осетии 22 ноября 1950 г. был снят с обсуждения Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б) (*Лежава, 1997*).

Откликом на погром марризма в Абхазии, очевидно, являлась статья М. Делба «К вопросу изучения языка и истории абхазов», изданная в 1951 году. В одном из первых фраз работы говорится: «Корифей марксистской науки товарищ И.В. Сталин вдребезги разбил основанное на принципах вульгарно-материалистической и идеалистической философии ложное, антинаучное учение Н.Я. Марра о языке» (*Делба, 1951*). Причем главная ошибка ученого состояла в том, что он изучал язык и историю абхазов «по преимуществу в отрыве от общей истории грузинского народа» (*Делба, 1951; Делба, 1951*). Причем интересно, что тот же М. Делба еще в 1937 г. называл Марра не иначе как «наш выдающийся полиглот, основатель нового учения о языке» (*Делба, 1937*) и «величайший лингвист нашей эпохи» (*Делба, 1937*). Однако времена изменились, и новая конъюнктура требовала других эпитетов. О том, что низложению марризма придавалось большое значение свидетельствует и то, что названная статья в том же 1951 г. была издана отдельной брошюрой (*Делба, 1951*).

Еще один штрих. Кому-то покажется, что можно было обойтись без него. Но в этом случае картина останется не полной, тем более на эту тему любят поговорить грузинские авторы. Это тема т. н. «признания» авторами письма его ошибочности... Следует сказать, что «покаянный» документ действительно существует и даже опубликован. Однако его подлинность вызывает, мягко говоря, большие сомнения. И вот по каким обстоятельствам.

Действительно Г. Дзидзария и Б. Шинкуба 5 ноября 1953 г. в письме на имя руководителей ЦК КПСС, секретарей ЦК КП Грузии и Абхазского обкома писали о том, что «поставленные в невыносимые условия, мы принуждены были даже заявить, в основном об ошибочности нашего заявления». Однако сознательно упускается из виду то обстоятельство, что перед этой «вожделенной» для многих грузинских апологетов непогрешимости грузин, фразой в письме сказано: «На основании фальшивых материалов этой «проверки» было организовано столь же антипартийное обсуждение нашего вопроса в таком духе, в каком это нужно было его организаторам для то-

го, чтобы скрыть свои преступления, а нас дискредитировать в глазах партийной общественности республики и ЦК ВКП(б). А рассмотрение нашего вопроса в ЦК КПГ, которое продолжалось в течение 5 часов, походило скорее на пытку, нежели на действительное обсуждение» (*Абхазские письма, 1994*). Кроме того, названный «покаянный» документ датирован 2 августа 1947 года, а в приведенном письме признание ошибочности упоминается после факта всеобщего осуждения, чего 2 августа не могло быть.

Кроме того, после первого разговора Шария с авторами письма 5 августа 1947 г., К. Шакрыл на правах старшего предложил своим более молодым друзьям, с учетом всех обстоятельств подумать еще раз (*Шьякрыл, 1991*). Возникает вопрос: как К. Шакрыл мог предложить своим более молодым коллегам еще раз подумать по поводу признания ошибочности своего письма 5 августа, если все они еще 2 августа уже подписались под заявлением об ошибочности своего письма?

Тем не менее, З. Папаскири, не особо напрягая себя моральной стороной вопроса, продолжает: «Впоследствии (1991 г.) один из авторов жалобы К.С. Шакрыл выступил с опровержением и стал утверждать, что его подпись под «признанием», является подделкой» (*Папаскири, 2010*). При этом ни на минуту не задумывается, что подделкой может являться тот документ, на который он ссылается как на истину последней инстанции.

Сам К. Шакрыл, узнав о существовании этого документа, писал: «Она никому не адресована. На ней стоит дата 2 августа 1947 г. Но к этому времени мы абсолютно ничего не знали о судьбе нашего заявления. Только 5 августа мы узнали о реакции на наше заявление, когда из ЦК Грузии приехал в Сухуми секретарь ЦК по идеологии П. Шария и вызвал нас в Абхазский обком партии на собеседование... 8 августа 1947 г. состоялось обсуждение нашего вопроса на бюро ЦК КП Грузии, на котором наше заявление было признано дезинформацией ЦК ВКП(б), на нас было наложено строгое партийное взыскание. Невольно напрашивается вопрос: за что же нас так строго наказали, если мы письменно «признали» ошибочным свое заявление? ... То, что в распоряжении бюро не было этой рукописи – отказа от заявления, говорит о том, что она тогда еще не была сочинена» (*Абхазские письма, 1994*).

Более того, он заявил: «Отказ от нашего заявления в ЦК ВКП(б) равносителен предательству и измене своему народу. Это означает оправдать национально-культурный геноцид, проводимый тогдашним руководством Грузии и Абхазии» (*Абхазские письма, 1994*).

У меня, в отличие от грузинских деятелей, нет никаких логически мотивированных причин не доверять этим словам одного из патриархов национально-освободительного движения абхазского народа К.С. Шакрыл.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Авидзба Аслан Фазлыбеевич

Доктор исторических наук, заместитель
директора Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа
E-mail: aslanavid@mail.ru

Avidzba Aslan Fazlybeevich

Doctor of Historical Sciences,
Deputy Director
D.I. Gulia Abkhazian Institute of Humanitarian Research
E-mail: aslanavid@mail.ru

Литература

1. Абхазские письма. 1947-1989 Т. 1. Сухум. 1994. 528 с.
2. Берия Л.П. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. Доклад на собрании тбилисского партактива 21-22 июля 1935 г. Партиздат ЦК ВКП(б). 1936. 287 с.

3. Делба М. К вопросу изучения языка и истории абхазов // Труды АБИЯЛИ. XXIV. Сухуми. 1951. 11 с.
4. Делба М. Основатель абхазской литературы Дмитрий Гулия. Сухуми. 1937. 63 с.
5. Дзидзария Г.А. Труды. 3. Сухум. 2006. 286 с.
6. Лежава Г. Между Грузией и Россией. М. 1997. 348 с.
7. Папаскири З. Абхазия. История без фальсификации. Тб. 2010. 595 с.
8. Пленум ЦК КПСС. Июль 1953 года. Стенографический отчет. 2-7 июля 1953 г.
9. Шьякрыл К. Кəархəу Ак əа. 1991. 200 с.
10. Эпоха Ардзинба. Стамбул. 2009. 303 с.

References

1. Abkhaz letters. 1947-1989 (1994). Т. 1. Sukhum. 528 p.
2. Beria L.P. (1936). On the question of the history of Bolshevik organizations in the Transcaucasus. Report at the meeting of the Tbilisi party activists on July 21-22, 1935. Partizdat of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). 287 p.
3. Delba M. (1951). On the issue of studying the language and history of the Abkhaz // Proceedings of Abiyali. XXIV. Sukhumi. 11 p.
4. Delba M. (1937). Founder of Abkhaz literature Dmitry Gulia. Sukhumi. 63 p.
5. Dzidzaria G.A. (2006). Proceedings. 3. Sukhum. 286 p.
6. Lezhava G. (1997). Between Georgia and Russia. M. 348 p.
7. Papaskiri Z. (2010). Abkhazia. History without falsification. TB. 595 p.
8. Plenum of the Central Committee of the CPSU. July 1953. Verbatim record. July 2-7, 1953.
9. Shyakryl K. (1991). Кəархəу Ак əа. 200 p.
10. The era of Ardzinba. (2009). Istanbul. 303 p.

Поступила в редакцию

1 июля 2020 г.

УДК 394

Эшера: этнографический портрет полиэтничности**С.В. Цкуа***Абхазский государственный университет,
Г. Сухум, Абхазия*

Аннотация. Нет нужды доказывать, что эта тема актуальна в наше время, когда мы вновь и вновь пытаемся обратиться к нашим истокам, к своим корням. Однако нет ни одного труда по этнографии села Эшера. Село Эшера считается одним из больших пунктов Сухумского района. Оно расположено в 10 км к западу от города Сухум, между реками Гумиста и Шицкуара (Самшитовая речка). На территории села Эшера обнаружены археологические памятники эпохи Бронзы (дольмены, кромлехи), Эшерская городище, клады и руины церквей. В статье рассматривается роль полиэтничности населения села Эшера.

Ключевые слова: село Эшера; полиэтничность; абхазская община; обряд.

Для цитирования: Цкуа С.В. Эшера: этнографический портрет полиэтничности // Caucasian Science Bridge. 2020. Том 3. № 3 (9). С. 29-35.

Escher: Ethnographic Portrait of Polyethnicity**Saria V. Tskua***Abkhaz State University,
Sukhum, Abkhazia*

Abstract. It isn't necessary to prove that this topic is relevant when we try to turn to our origins, to our roots. However, there is not a single work on the ethnography of the Eshera village. The village of Eshera is considered one of the largest settlements in the Sukhum region. It is located 10 km west of the city of Sukhum, between the rivers Gumista and Shitskuara (Boxwood River). On the territory of the village of Eshera, archaeological monuments of the Bronze Age (dolmens, cromlechs), the Esher settlement, treasures and ruins of churches were discovered. The article examines the role of the polyethnicity of the population of Eshera village.

Key words: Eshera village; polyethnicity; Abkhazian community; rite.

For citation: Tskua S. V. Escher: Ethnographic Portrait of Polyethnicity // Caucasian Science Bridge. 2020. Vol 3. No 3 (9) P. 29-35.

Абхазская община (акыта), как правило, тянулась десятки километров, занимая значительную площадь. Каждая такая община делилась на ряд поселков, представлявших собой в прошлом, как можно думать, родовые поселения. Эти родовые поселения именовались, вероятно, «ацута» (ацута), о чем сохранились некоторые воспоминания в фольклоре и религиозном обряде по вызыванию дождя «ацуныхуа», т.е. моление ацу. В дальнейшем эти родовые поселки стали называться «акыта». Переросла ли первая во вторую, или эта последняя образовалась из объединения первых, пока что не установлено. Во всяком случае «ацута» является, надо полагать, отражением более ранней стадии развития, «акыта» – более поздней, последующей.

Поселившись в лесу, каждая семья расчищала для себя вокруг своего жилища небольшую площадь и устраивала отдельную усадьбу.

При выборе места для постройки дома и жилья учитывалось многое, начиная с нахождения питьевой воды и плодородной земли, близости к проселочным дорогам до военно-стратегического и разного рода религиозных воззрений. Так, например, одичавшая и заброшенная усадьба считалась несчастным местом для жилья.

Имели обычай строить жилища особняком и на далеких расстояниях между собой. Большое значение придавалось вопросам обороны, и потому место должно было расположено вблизи скалистой местности, чтобы оно было труднодоступным в случае неожиданного нападения врагов,

Имело немалое значение при выборе места для жилья и то, кто и что собой

представляли люди, соседствующие с ним, и вообще в округе. Лучшим считалось находиться поблизости от своих однофамильцев.

Все абхазские жилые постройки по форме и конструкции можно подразделить на два основных типа: круглые и четырёхугольные.

Круглые жилые постройки бывают двух видов. Начнем с первого, основного из них:

а) конусообразный шалаш с заостренным концом, цилиндроподобный (Ақ әаә).

«Ақ әаә» - является древнейшим типом жилища, сохранившийся, как пережиток, один из основных видов древних плетеных жилых построек абхазов. «Ақ әаә» - маленькое примитивное конусообразное строение, которое кое-где еще встречалось вплоть до 20-х гг. во дворе абхазских бедняков, не обнаруживая каких-либо заметных вариаций. Эта постройка упоминается в сообщениях разных авторов, но только Е.М. Шиллингу принадлежит подробное ее научное описание, сделанное им с натуры в 1925 г. в с. Эшера.

Вытянутый в ширину дом-аган@ ны или аҭ суа@ ны. Этот тип жилья часто строился в с. Эшера, как коллективное жилище большой семьи. Он был с земляным полом, без потолка и без перегородки, небольших размеров, с четырехскатной соломенной крышей. У привилегированных классов оно было гораздо больших размеров и состояло из нескольких отделений, обычно из 3-4 комнат, располагавшихся рядом под одной общей крышей. В комнатах окон не было, вместо них на одной из длинных стен иногда делались на уровне глаз человека небольшие (40x40) открытые просветы. Первоначально комнаты не сообщались между собой; чтобы попасть в одну из этих комнат из первой большой комнаты нужно было сначала выйти наружу. По переднему фасаду прямоугольника на всю его длину устраивался неширокий (1-2 м.) навес.

Усадебный характер и разбросанность поселений сохраняется. Но каждая единица площади усадьбы используется интенсивнее и гораздо более рационально, чем это было раньше. Двор перед домом с тенистыми деревьями, отличавшийся прежде своими обширными размерами, в последнее время сокращается в соответствии с величиной приусадебного участка. Вместо слишком больших и иногда пустых дворов каждый хозяин теперь старается расширить по возможности площадь под виноградники, плодовые деревья, огород, которые имеются почти на каждом приусадебном участке.

И все же чистая зеленая полянка по-прежнему составляет непременную принадлежность почти любого здешнего двора. Вот как это описано у К. Симонова: «Я вижу абхазские и мегрельские деревенские дома, чем-то похожие на сванские постройки, – традиция, оставшаяся от старых времен. Зеленые сухие и жаркие жилые комнаты на вторых этажах, а низу только кухни и кладовки. А перед домами от самых ворот до самых дверей в дом – ровные, как столб, курчавящиеся короткой травкой, чистые полянки – такие, словно хозяева хотят сказать гостям: входите, и пусть ничто не мешает вам открыть двери нашего дома (Костюнин, 2015, С.8).

В результате изменений, происшедших в материальной и культурной жизни абхазской семьи, ожил и получил дальнейшее развитие ряд положительных национальных традиций. Одни – устаревшие обычаи сменяются новыми, другие сохраняются, наполняясь новым содержанием. Совершенствуется, в частности, наиболее приемлемая форма заключения брака, соответствующая современной действительности абхазов.

В то же время современность пока не в силах изменить характер и состав брачного круга. Абхазы до сих пор строго придерживаются экзогамии, ограничения

по которой распространяются на всех без исключения лиц, носителей фамилии отца, матери и даже обеих бабушек. Другим видом брачных ограничений у абхазов является ограничение по свойству. Считается неприличным брак – с сестрой, братом и другими ближайшими родственниками невестки, зятя, как по отцовской, так и по материнской линии. Нарушение его рассматривается, как кровосмешение. Существует специальный термин для кровосмешения – амахагя.

Запрещаются даже браки между однофамильцами разных национальностей. Все однофамильцы, независимо от национальной принадлежности, считаются родственниками по крови. Даже молодежь до сих пор придерживается этого взгляда. Исключается и вступление в брак с членом семьи, из которой был взят для усыновления ребенок. Как и прежде, запрещен брак также с кем-либо из членов семьи отчима или мачехи.

Навсегда исчез брак по принуждению, при котором выбор невесты или жениха осуществлялся родителями. Как известно, у абхазов, как и у многих народов Кавказа, существовал обычай обручения малолетних детей, инициаторами которого выступали родители – чаще всего отцы, между которыми поддерживалась многолетняя дружба. Современная молодежь не только не сталкивается с такими фактами, составлявшим в прошлом обычное явление, но и не каждый знает о существовании так называемого «лишенного обручения». Совершенно потеряли свое значение и вышли из употребления, например, бросание пули и заряда пороха перед невестой сватом после выражения невестой и ее родителями согласия на брак, и обряд этот назывался «ахкаршра» – бросание пули, и по совершении его девушка считалась помолвленной. Выходит из обычая и обряд, называемый «амхара», который состоял в том, что жених временами приезжал в дом невесты после обручения для свидания с нею и в честь этого каждый раз устраивался небольшой пир.

Сейчас молодые люди самостоятельно выбирают себе спутников жизни. Знакомства происходят в общественных местах: на свадьбах, районных скачках, в учебных заведениях, на работе и т.п. Если в старину для сватовства нужен был посредник, то есть акаягрия, то сейчас молодые обходятся без посредника и сами договариваются. Старый обычай обмена подарками при обручении в измененном виде сохранился до сих пор. Этот обмен называется «анапеимдара» или «анапеимдахь атира». Жених дает девице золотые вещи: серьги, кольцо, браслет, а она дает ему кольцо и т.п.

Еще немногим более полвека назад с момента времени обручения жених и невеста тщательно скрывались от своих родителей: невеста редко выходила из своей амхары, а жених почти не бывал дома днем. В прошлом существовал также специальный обряд, так называемый «вывод из амхары», который состоял в том, что приблизительно через неделю после сватовства в доме жениха собирались его товарищи и устраивали пир за счет дружка жениха. В начале обеда жениха выводили из дома соседа, где он скрывался, и приводили в отцовский дом. В эту минуту отец жениха или старший в роду поднимал стакан и провозглашал тост за здоровье жениха. После этого пир принимал обычный вид. Такой же обряд устраивали и в доме невесты, и тут угощение устраивалось за счет дружка невесты, который должен был сопровождать ее в дом жениха во время свадьбы.

В современной Абхазии существуют три формы заключения брака: *брак открытый, брак тайный и брак с похищением*. Открытый брак – способ заключения брака, при котором обе родственные группировки открыто договариваются и вступают посредством брака в родственные по свойству отношения. Брак, заключенный по взаимному соглашению, но втайне от родителей, называется «мадзала», то есть тайно. К нему прибегают в том случае, когда родители девушки по какой-либо причине возражают против ее замужества. Парень тайно уводит свою невесту, а потом начи-

нают переговоры с ее родителями. Недовольные родственники рано или поздно примиряются (Бизуаа, 2007, С. 288).

Похищение невесты устраивают только в том случае, если не состоялось мирное между родами соглашение относительно брака. Попадая в подобную «ловушку», многие не находят выхода из нее и покоряются судьбе традиции, порожденной неравным положением горянки в прошлом. Разумеется, эта форма вступления в брак не является характерной для современной Абхазии и находится на грани вымирания. Наиболее распространенной формой заключения брака является аргама – открытый, гласный брак.

Родители как со стороны жениха, так и невесты, получив известие о намерении молодых пожениться, начинают готовиться к предстоящему семейному празднику. Свадьбы обычно празднуются после сбора нового урожая. При открытой форме заключения брака родители жениха и невесты так или иначе обмениваются мнениями о сроке свадьбы. Однако в случае возникновения разногласия решающее слово остается за стороной жениха.

Для окончательного определения для свадьбы в один из субботних или воскресных дней, когда не заняты работой, отец жениха собирает родственников, соседей и друзей. Это торжество также как и раньше называется ачара аеҭҭара-цҭҭара, т.е. определения срока свадьбы. Выбирают такой день, когда никто из сельчан или родственников не играют свадьбу или не отмечает поминки.

Аеҭҭара-цҭҭара, устраивают и при заключении брака посредством тайного увода или похищения невесты. Однако, естественно, отпадают предварительные переговоры с родителями невесты о назначении для свадьбы. За родителями невесты остается только приготовление приданного, которое они присылают дочери в день свадьбы.

На этом торжестве называют двух-трех старших товарищей жениха, которые должны донести до сведения родителей невесты о назначенном дне свадьбы.

Прежде для выполнения данной миссии к родителям невесты отправляется сам отец жениха в сопровождении нескольких десятков почетных лиц. При этом он с собой брал богатые подарки для всех членов семьи невесты. В свою очередь и последние делали соответствующие подарки жениху, его родителями, а также и приехавшим с ними гостям (Бизуаа, 2007, С.288).

После назначения посланников здесь же выбирают обслуживающий персонал, назначают старших, на которых возлагают руководство всеми делами для своевременной подготовки свадебного стола. Спустя несколько дней после этого, родители жениха составляют список лиц, которых они должны пригласить на свадьбу, и рассылают пригласительные билеты. Независимо от общего списка приглашаемых, жених приглашает своих товарищей по работе или учебе. Невеста тоже приглашает на свою свадьбу людей из своего коллектива.

Возникший обычай посылать письменные приглашения составляет совершенно новый элемент в свадебной обрядности абхазов.

Как отмечалось выше, прямо или косвенно подготовку к свадьбе начинают со дня сватания. Однако непосредственно к ней приступают после назначения дня свадьбы. Много забот, особенно у родителей жениха, так как в их доме собирается несколько раз больше гостей, чем в доме невесты. В этом деле данной семье помогают, прежде всего, соседи и близкие родственники.

Примерно за два-три дня до свадьбы они собираются в доме жениха. Избранные во время определения срока свадьбы, для руководства подготовкой торжественного стола люди образуют несколько групп, одна из которых занимается заготовкой дров, другая – постройкой свадебного навеса, под которым проходит пир. Ес-

ли в старое время свадьба устраивалась во временно сооруженном навесе, крытом кукурузной чалой, то в настоящее время свадьбу устраивают под брезентовом навесом, с электрическим освещением, на устланных скатертью столах.

В то же время современность пока не в силах изменить характер и состав брачного круга. Следует подчеркнуть наметившуюся степень влияния абхазской культуры на быт и нравы современных армян, что очевидно на примере праздничных и поминальных мероприятий современного армянского общества.

Сезон свадеб у современных армян, проживающих на территории Абхазии, начинается после сбора урожая, как и у абхаз, – осенью. Свадебными днями являются выходные дни – суббота и воскресенье.

Исходя из личного наблюдения, армяне, проживающие в селе Эшера, играют свадьбы на 300 и выше человек. Свадебное меню, помимо армянских традиционных блюд: долма, люля-кебаб, шашлык, сациви, хоровац; представлены и абхазские традиционные меню: мамалыга, ачапа (абхазская национальная закуска из измельченных грецких орехов и варёной капусты) акэтычапа, арашых (соус изореха), асызбал (ткимали), ачашэ (хачапур).

Следует заметить, что на армянской свадьбе звучат как абхазские народные песни, так и танцы. Свадьбы играют как в доме, так и в помещениях.

Все же стоит отметить, что под воздействием глобальных культурных воздействий, имеющих место в современном мире, многие обычаи и обряды претерпели существенное изменение и отличаются от своих обрядов-прародителей. Некоторые обычаи сохранились на исторической родине армян. Но есть такие, которые неукоснительно соблюдаются и в настоящее время.

С момента обручения невесты начинается подготовительный этап свадьбы. Выбирается банкетный зал, приглашаются музыканты, назначается из числа родственников тамада. В день бракосочетания жених со своими братьями и друзьями прибывает за своей будущей женой... Пройдя различные веселые конкурсы, он вручает свадебную корзину со сладостями – вином и фруктами и мн. др. матери невесты. Стоит отметить, что подвенечное платье невесте выбирает и покупает семья жениха, как и у абхазов, и это очень примечательно.

Есть несколько интересных традиций армянских свадеб, которые практикуются и в наши дни.

Например: жених должен знать, что забрать невесту без выкупа он не сможет. На выходе из дома брат или братья невесты встают у двери, заперев ее кинжалом, и требуют выкуп. Сегодня суммы чисто символические, но первоначально выкуп включал определенный набор продуктов, а также различные подарки невесте и ее близким родственникам. Согласно традиционной армянской свадьбе, молодые должны пройти таинство венчания в христианской церкви. Священник, который проводит церемонию венчания, повязывает на руки или шею молодым красно-зеленый, переплетенный между собой шнур под названием нарот и запечатывает воском от своей свечи. Этот интересный обряд символизирует единение пары. Снять его может только священнослужитель (*Традиции и обычаи...*).

Мать жениха кормит молодоженов медом, что символизирует сладкую жизнь, а лаваш закидывают на плечи, чтобы жилось сыто и богато. Сразу после этого, продолжая следовать традициям, новобрачные разбивают тарелки на счастье.

Главными героями на свадьбе являются Кавор и Каворкин – крестный отец и крестная мать, Азаб Баши (брат жениха или подруга, которая не замужем) и сестра невесты.

На колени невесте подсаживают маленького мальчика из рода жениха, чтобы первенцем у молодых был мальчик, такой же красивый и здоровый. Этот обычай практикуется и у абхазов (*Традиции и обычаи...*).

**Статистические сведения
О населении Абхазии, с наименованиями всех деревень**

Бзыпский округ	Число дворов
Аспа-опущена	-
Аджанхуны	40
Азыпдваны	40
Ваасса	80
Калдахвара	70
Блабырхва	70
Бармышь	75
Мацырь	60
Папцва	30
Чабаалырхва	100
Бача	40
Вашхаара	35
Чигурхва	30
Анапшархва	20
Эмхы	20
Худара	80
Джирхва	100
Джирхва	100
Быгырхваны	20
Эширхва	15
Акваскъамца	20
Апыгара	30
Дурипш	180
Эбалырха	60
Азывша	100
Арква	56
Цовхва	20
Ачандара	90

По всей вероятности, и его название происходит от имени данного рода, но после известных трагических событий, связанных с депортацией абхазов в Заморскую страну, его земли опустели и опустевшие земли были заняты представителями других родов.

С начала XX века начали поселять армян, изгнанных турецкими властями из Анатолии. Со временем здесь сложилось компактное армянское поселение. В настоящее время армяне превосходят всех остальных, в том числе и абхазов.

По данным 1959 года в селе Эшера жило 1257 человек, в основном армяне, а также русские и абхазы. В 1989 году в селе Эшера проживало 2130 человек, также в основном армяне; в Эшерском сельсовете в целом – 6677 человек.

По данным переписи 2011 года численность населения сельского поселения Эшера составила 2141 человек, из них 40,9 % – абхазы (876 человек), 40,8 % – армяне (873 человека), 10,9 % – русские (233 человека), 1,9 % – грузины (41 человек), 1,2 % – украинцы (26 человек), 0,6 % – греки (13 человек), 3,7 % – другие национальности (79 человек).

Русских в селе Эшера немного. Они являются потомками либо тех русских, которые были переселены из Российских губерний, либо группы прибывших в Советское время в качестве рабочих.

До победы абхазского рода в Отечественной войне 1992-1993 гг. здесь жило немало людей грузинской национальности. Их уже практически нет.

Конечно, представители всех национальностей, проживавших на территории села Эшера, сохранили особенности своих традиционных культур. Это заметно, главным образом, по элементам материального, духовного быта и языковой ситуации. Но вместе с тем, очевидно влияние абхазской традиционной культуры.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Цкуа Сария Вячеславовна

Аспирант

Абхазский государственный университет

E-mail: dukeaslanbey@mail.ru

Tskua Saria Vyacheslavovna

Postgraduate Student

Abkhaz State University

E-mail: dukeaslanbey@mail.ru

Литература

1. Бигуаа В. Обряды жизненного цикла / Бигуаа В., Дбар С. // Абхазы. М.: Наука, 2007. С. 281-321.
2. Воронов Ю.Н. Об Эшерском городище СА. 1972. №1. С 103-121.
3. Куфтин Б.А. Материалы по археологии Колхиды. Том 1. Тбилиси 1949. 360 с.
4. Шамба Г.К. Эшерское городище. Тбилиси, 1980. 63 с.
5. Шамба Г.К. О раскопках в 1974 г. на Эшерском городище. Тбилиси, 1976. 150 с.
6. Традиции и обычаи армянской свадьбы. Режим доступа: <https://7445252.ru>
7. Эшера. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Эшера>
8. Костюнин А.В. Абхазия: война и мир. 2015. Режим доступа: <http://www.pereplet.ru/text/kostjunin30aug15.html>

References

1. Bigua V.L. (2007). Rites of the life cycle. / Biguaa V., Dbar S. // Abkhazians. Moscow: Nauka, 2007. P. 281-321.
2. Voronov Y.N. (1972). About Esher settlement SA. No 1. P. 103-121.
3. Kuftin B.A. (1949). Materials on Archaeology of Colchis Tbilisi, Vol 1. 360 p.
4. Shamba G.K. (1980). Esher town. Tbilisi. 63 p.
5. Shamba G.K. (1976). About excavations in 1974 on the Esher site, Tbilisi. 150 p.
6. Traditions and customs of Armenian weddings. Available at: <https://7445252.ru>
7. Esher. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Эшера>
8. Kostyunin A.V. (2015). Abkhazia: War and Peace. Available at: <http://www.pereplet.ru/text/kostjunin30aug15.html>

Поступила в редакцию

12 июля 2020 г.

ЦИВИЛИЗАЦИИ И КУЛЬТУРЫ

УДК 008:316

Неформальные практики выстраивания региональной идентичности**А.В. Кузнецов***Тюменский государственный университет,
г. Тюмень, Россия*

Аннотация: В статье анализируются медийный потенциал контркультуры (на примере Западной Сибири), которые опираются на осознание принадлежности к местному сообществу через его отрицание. Цифровая коммуникация помогает легитимизировать контркультурные идеи, постепенно создавая из них территориальный бренд или архетип. Презентация исследования состоялась в рамках конференции Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского «Тенденции развития российских регионов в условиях глобальных вызовов и угроз» 22-23 апреля 2019 года (г. Симферополь).

Ключевые слова: бренд; дискурс; геопэтика; контркультура; локалитет; мем; неформальные практики; региональной идентичности; «сибирский панк».

Для цитирования: Кузнецов А.В. Неформальные практики выстраивания региональной идентичности // Caucasian Science Bridge. 2020. Том 3. № 3 (9). С. 38-42.

Informal practices of building regional identity**Arkadii V. Kuznetsov***Tyumen State University,
Tyumen, Russia*

Abstract: The article analyzes the media potential of the counterculture (on the example of Western Siberia), which is based on the awareness of belonging to the local community through its denial. Digital communication helps to legitimize countercultural ideas, gradually creating a territorial brand or archetype out of them. The presentation of the study was held at the conference of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky "Trends in the development of Russian regions in the context of global challenges and threats" on April 22-23, 2019 (Simferopol).

Keywords: brand; counterculture; discourse; geopoetics; informal practices; locality; meme; regional identity; "Siberian punk".

For citation: Kuznetsov A.V. Informal Practices of Building Regional Identity // Caucasian Science Bridge. 2020. Vol 3. No 3 (9) P. 38-42.

По мнению философа В.Г. Богомякова, географическое пространство принадлежит людям и выступает для них в качестве «географии ума» (Ж. Делез, Ф. Гваттари), задающей символические модели (*Байбурин, 1983*). Поэтому в условиях тотальности цифровой среды региональная идентичность начинает выстраиваться не только на принадлежности к географическому локалитету, но и к геокультурному мифу. Формирующие его архетипы выходят за рамки традиционных для нашего общества символов или культурных кодов, следовательно, их чаще можно найти в проявлениях неформальной активности. Зачастую подобное творчество носит контркультурный характер и генерируется в сетевой среде, как демонстрация свойственной молодежи протестной активности. Героями становятся люди, выделяющиеся из общей массы, в том числе, через неприятие действительности или нежелание смириться с принятыми обществом стандартами поведения.

Иконами медийной среды постепенно становятся персоны, которые еще недавно являлись токсичными для официального культурного дискурса. Примерами таких прорывов можно назвать инициативу присвоить аэропорту города Омска имя Егора Летова, а также предложение назвать Институт социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета именем его выпускника, поэта Мировлава Немирова. Обе эти фигуры считаются генераторами идей, породивших такое явление как Западно-Сибирская контркультура 1980-1990-х годов, наиболее извест-

ным проявлением которой было музыкальное течение «сибирский панк». Радикализм взглядов и использование инвектив в творчестве в свое время вывело их за рамки культурного мейнстрима, поэтому обсуждение гипотетической перспективы легитимировать этих авторов указывает на изменения в общественном сознании.

Несмотря на достаточно широкую известность «сибирского панка» в нашей стране и за рубежом, многими жителями провинции контркультурное творчество ощущается как вторичное. Пренебрежительность к творчеству местных исполнителей происходит из ментальной установки, что провинциальная жизнь неинтересна по определению, ведь все заслуживающее внимания происходит в столицах. Зачастую для жителей Сибири становится откровением, что эта территория воспринимается представителями столичной интеллигенции как «место силы», в том числе, благодаря контркультурному творчеству. На практике это помогает идентифицировать себя, как представителя *heroes civitatem* (сообщество героев) и тем самым осознать свою региональную идентичность.

Следует отметить, что, хотя активная фаза Западно-Сибирской контркультуры завершилась на рубеже XXI века, здесь продолжает существовать традиция противопоставления себя доминирующей в регионе и стране культуре. Одним из примеров парадоксального обозначения принадлежности к региональному локусу может служить, издаваемый при поддержке Тюменского государственного университета журнал «Тюменский рептилоид» (*Тюменский рептилоид, 2019*). Еще одной попыткой найти специфическое место в региональном контексте можно назвать тюменскую группу «Разбудите Ленина», обыгрывающую в своем названии исторический факт сохранения в Тюмени во время Великой отечественной войны тела В.И. Ленина (*Разбудите Ленина, 2019*).

Поиск региональной идентичности, в том числе через шокирующие или циничные образы, тесно связан с геопозитикой, которая «фиксирует сам момент взаимодействия и единства земного пространства (гео) и организующей его культурной формы (поэтика)» (*Абашев, Абашева, 2012*). В данном случае способом «освоения», понимания той или иной территории становятся литература, текст, а также слово, которое может бытовать и в устной традиции. В качестве примера можно привести создаваемый литературными приемами миф о Тюмени, которая в контексте настоящего исследования метонимически замещает Сибирь.

Формирование мифа и представлений о городе, который традиционно воспринимается как «первый русский город в Сибири», происходило на стыке географических и нравоописательных текстов. В программном произведении Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении» (1892) сибирский пейзаж не имеет твердых очертаний и представлен бесформенным. Здесь ««оттаивающая земля покрывается тундрой и топкими болотами <...> весенние разливы вод сливаются с этими болотами и превращают целые пространства на сотни верст в сплошные моря» (*Ядринцев, 1892*). Болотистая почва, рыхлость и топкость являются постоянными качествами визуального образа сибирского пространства в целом и Тюмени, как части этого целого.

В отличие от Санкт-Петербурга, также построенного на болоте, но имеющего символический образ «гранитного города», Тюмень выглядит мягкой и податливой. «Порой кажется, что она сама устремляется в бездну, не довольствуется положением «на краю», а пробует примерить, каково это – жить между небом и землей, не на дне, а без всякого дна, на мягкой, уходящей из-под ног почве» (*Рогачева, 2004*). Болотистая почва – это и характерная метафора постоянной миграции в социальной и нравственной жизни русской Сибири, отсутствия опоры на многовековую традицию.

Тюмень до сих пор называют «воротами в Сибирь», следовательно, этот бренд

несет в себе концепт «границы пространств» (*Цивьян, 1978*). Однако совершив подобный переход в поисках свободной территории, отечественные аргонавты рисковали навечно погрузиться в реальную трясины. Эта гипотетическая перспектива подтверждается полуполюгендарной историей о лошади тюменского лавочника Андрея Березникова, которая в апреле 1826 г. утонула в грязи на главной улице города. Негативную мифологию Тюмени дополняет заметка в местной газете «Ермак» (1915), в которой сообщается, что К.Д. Бальмонт, возвратившись из Сибири в Петроград, жалуется, что «в Тюмени коровы съели на афишных столбах все анонсы о приезде поэта, так как анонсы были наклеены клейстером из муки и представляли живой интерес животных» (*Ермак, 1915*).

В то же время, сибиряки не стесняются свое провинциальности, а осознают ее как часть региональной идентичности. Так, А.П. Чехов в путевом очерке замечает «местная интеллигенция, мыслящая и не мыслящая, от утра до ночи пьет водку, пьет неизящно, грубо и глупо, не зная меры и не пьянея; после первых же двух фраз местный интеллигент непременно уж задает вам вопрос: “А не выпить ли нам водки?”» (*Чехов, 1950*). Можно проследить определенную преемственность, так как неформальное творчество Западно-Сибирских авторов 1980-1990-х годов описывает пьянство как героический поиск истины или вызов опасной стихии. В данном случае житнетворчество превращается в мифотворчество, порождая саги, элегии и трагедии о зеленом змии, который, в зависимости от контекста, представлен то в виде друга или помощника, то в качестве искуителя или инфернальной силы.

При этом М.М. Пришвин, открывая для себя новую землю, в книге о путешествии в Азию напишет: «Сибирь – богатейшая страна. Сибирь – необъятное пространство. Сибирь – золотое дно, страна обетованная. <...> Беда тому, кто придет в Сибирь с обычным представлением о пространстве, с привычными мерами его и, значит, времени. Масштаб тут приблизительно такой: у нас десять, у них – сто, у нас – двадцать, у них – двести и так далее» (*Пришвин, 1982*). «В Сибири все можно», – говорит Иван Астахов, герой романа М. М. Пришвина «Кашеева цепь» (*Пришвин, 1982*).

Являясь негласной нефтегазовой столицей России, город Тюмень сегодня позиционирует себя, как «Лучший город Земли», однако для местной интеллигенции это по-прежнему «провинция» (*Clowes, 2016*). Важно отметить, что именно контркультурное движение подняло традиционные для региона недостатки «на щит» и буквально сделала своим гербом «тюменскую грязь». Речь здесь идет не только о физической или природной грязи, но и о грязи «ментальной», которая проявляется в бытующих здесь нравах. Это отражено в текстах песен и стихах сибирских панков (Мирослав Немиров, Дмитрий Колоколов, Евгений Кокорин), в названиях произведений самиздата (журналы «Чернозем», «Сибирская язва», «Темень») и т.д.

Таким образом, мотив «почвы и судьбы» занимает одну из ключевых позиций в произведениях Западно-Сибирской контркультуры 1980-1990-х годов, а метафизическое болото становится частью неформального дискурса. Контркультурных авторов всегда отличало амбивалентное, а зачастую и декларативно отрицательное отношение к месту своего проживания. Агрессивность лирического героя произведений «сибирского панка» становилась для него возможностью сохранить себя в советском и постсоветском обществе, поощряющем серость и неприязненно относящимся к любым проявлениям индивидуальности.

У действовавших тогда в Новосибирске, Омске и Тюмени неформальных культуртрегеров выделяются две противоположные тенденции к окружающей действительности: с одной стороны, это ее неприятие в духе чеховских героев и уверенность, что где-то жизнь бьет ключом. Суть второй тенденции – если тебе хочется праздника, делай его самостоятельно здесь и сейчас, не оправдывая свое бездействие внеш-

ними обстоятельствами. Именно она легла в основу технологии создания социокультурного мифа о Тюмени, как «столице сибирского панка». Его проводником был поэт Мирослав Немиров, который в «Большой тюменской энциклопедии» систематизировал историю повседневности богемной среды. Для него город, чаще всего, «неофициальное культурное пространство, в котором проживают неординарные люди» (Лазарева, 2004).

Запрос на отрицательных героев, в противовес неправдоподобно слащавым образам официальной пропаганды, рождало само время. Предчувствие неизбежных перемен заставляло самых совестливых стыдиться «быть хорошими» и звало на эстетические «баррикады». Кроме того, многие из участников контркультурного движения были приезжими из других городов Советского Союза, во многом более развитых цивилизационно. Такой была и продолжает оставаться особенность освоения Сибири, которая в перспективе может и должна стать не только источником природных ресурсов. Напомним, что О. Шпенглер назвал «русско-сибирской» культуру, которая должна прийти на смену западноевропейской цивилизации (Шпенглер, 1923).

Возможность открытого самовыражения, не стесненного цензурными или форматными ограничениями, оказалась настолько привлекательной, что, зародившись в 1980-х гг., контркультурная традиция жива и поныне. Более того, медийный потенциал Западно-Сибирской контркультуры постепенно нарастает, ее образы и ключевые идеи сегодня становятся источником вдохновения для создателей мемов – актуальной информационной единицы. Примером может служить созданная представителями Тюмени и Омска публичная страница «Абстрактные мемы для элиты всех сортов» (Абстрактные мемы..., 2019). Среди мемов основанных на высказываниях Платона, Канта, Льва Толстого и других титанов мысли, вполне адекватно выглядят сюжеты с лидерами «сибирского панка» Егором Летовым, Романом Неумоевым, Янкой Дягилевой и другими. Творчество представителей контркультуры, при всей резкости высказываемых ими оценок нашей малой и большой родине, может пробудить многих от летаргического сна прекраснотушии и убежденности в собственной непогрешимости.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кузнецов Аркадий Вячеславович

Соискатель кафедры философии, старший преподаватель кафедры философии Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета

E-mail: 72tu@mail.ru

Kuznetsov Arkadii Vyacheslavovich

External Postgraduate Student of the Department of Philosophy, Senior Lecturer of the Department of Philosophy, Institute of Social and Humanitarian Sciences,

Tyumen State University

E-mail: 72tu@mail.ru

Литература

1. Абстрактные мемы для элиты всех сортов (2019). Режим доступа: https://vk.com/abstract_memes
2. Абашев В.В., Абашева М.П. Литература и география. Урал в геопозитике России // Вестник Пермского университета. Серия «История», 2012. Вып. 2 (19). С. 143–151.
3. Байбурун А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. 188 с.
4. Богомяков В.Г. Сакрализация современного геопропространственного дискурса. Филологический дискурс: Вестник Института филологии и журналистики ТюмГУ. Вып. 11. Тюмень: Издательство ТюмГУ, 2013. 216 с.
5. Ермак, газета. 1915. № 585-586.
6. Лазарева Т.С. Литературные стратегии современных писателей (В. Строгальщиков, М. Немиров): Автореф. дис. канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 24 с.
7. Пришвин М.М. Заворощка // Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. Произведения

1906–1914 годов. М.: Художественная литература, 1982. 830 с.

8. Пришвин М.М. Кашеева цепь // Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. Произведения 1914–1923 годов. М.: Художественная литература, 1982. 807 с.

9. Разбудите Ленина (2019). Режим доступа: <https://vk.com/wulenband>

10. Рогачева Н.А. «Грязь – герб Тюмени» // Тюмень: образ, душа, судьба. Тюмень: ФГУ издательско-полиграфическое предприятие «Тюмень», 2004. 478 с.

11. Тюменский рептилоид (2019). Режим доступа: <https://vk.com/tmnreptiloid>

12. Цивьян Т.В. «Дом» в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок) // Труды по знаковым системам 10. Тарту: ТГУ, 1978. С. 65–85.

13. Чехов А.П. Из Сибири // Собрание сочинений в 12 т. Т. 11. М.: Правда. 1950. С. 294–295.

14. Шпенглер О. Причинность и судьба. Закат Европы, т. I. ч. 1. Пб., 1923, 215 с.

15. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Издание 2-е, исправленное и дополненное. СПб: Издание С. М. Сибирякова, 1892. 750 с.

16. Clowes Edith W. Branding Tiumen': Official Image and Local Initiatives / Edith W. Clowes // REGION: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia. 2016. No 5(2). P.149-174

References

1. Abstract memes for the elite of all sorts (2019). Available at: https://vk.com/abstract_memes

2. Abashev V.V., Abasheva M.P. (2012). Literature and geography. Ural in geopoetics of Russia // Vestnik Permskogo universiteta. Series "History", No 2 (19). P. 143-151.

3. Baiburin A.K. (1983). Dwelling in the rites and representations of the Eastern Slavs. L., 188 p.

4. Bogomyakov V.G. (2013). Sacralization of the modern geospatial discourse. Philological discourse: Bulletin of the Institute of Philology and Journalism of TSU. No 11. Tyumen: TSU Publishing House., 216 p.

5. Ermak, newspaper. (1915). No. P. 585-586.

6. Lazareva T.S. (2004). Literary strategies of modern writers (V. Strogalshchikov, M. Nemirov): Author's abstract of the Candidate of Philology. Tyumen, 24 p.

7. Prishvin M.M. (1982). Suvorochka // Prishvin M. M. Sobranie sochineniy: in 8 vols vol. 1 Works 1906-1914. – М.: Khudozhestvennaya Literatura, 830 p.

8. Prishvin M.M. (1982). Kashcheeva circuit // Prishvin M. M. Sobranie sochineniy: in 8 vols, vol. 2 Works 1914-1923 years. М.: Khudozhestvennaya Literatura, 807 p.

9. Wake up Lenin (2019). Available at: <https://vk.com/wulenband>

10. Rogacheva N.A. (2004). "Mud-the coat of arms of Tyumen" // Tyumen: image, soul, fate. Tyumen: FSU publishing and printing enterprise "Tyumen", 478 p.

11. Tyumen reptiloid (2019). Available at: <https://vk.com/tmnreptiloid>

12. Tsivyan T.V. (1978). "Dom" in the folklore model of the world (based on the material of the Balkan riddles) // Trudy po znakovym sistemy 10. Tartu: TSU, P. 65-85.

13. Chekhov A.P. (1950). From Siberia / / Collected works in 12 t. Т. 11. М.: Pravda. P. 294-295.

14. Spengler O. (1923). Causality and fate. The Decline of Europe, t. I. ch. 1. Pб., 215 p.

15. Yadrintsev N.M. (1892). Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical terms. 2nd edition, revised and expanded. SPb: Publishing S. M. Sibiriyakov, 750 p.

16. Edith W. Clowes (2016). Branding Tiumen': Official Image and Local Initiatives / Edith W. Clowes // REGION: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia. No 5(2). P.149-174.

Поступила в редакцию

23 июля 2020 г.

УДК 316

О женской эмансипации в социокультурном контексте**С.В. Гузенина***Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
г. Тамбов, Россия*

Аннотация: Статья посвящена анализу проблемы эволюции феномена женской эмансипации как социокультурного процесса реконструкции гендерной системы. Автором отмечается, что генезис эмансипации как общественного процесса имеет выраженный социокультурный характер, при этом с явными различиями в характере ее динамики: взяв старт на западе, основные черты женской эмансипации находят свое выражение и на исламском востоке, и в России, однако имеют аутентичную специфику и характер проявления.

Автором экспериментально показано, что россиянки типичного провинциального города покорно принимают сложившееся в обществе фактическое гендерное неравенство, при очевидной его констатации, сводят роль женщины к традиционным брачно-семейным отношениям. Отсутствие эгалитарных отношений, по мнению респонденток, связано, в основном, с финансовой зависимостью российской женщины, феминизацией бедности, при этом фактическое неравенство в отношениях с мужчиной россиянки не считают проблемой, понимая под «самореализацией» не уважение к своим правам, а опыт сильных женщин, вышедших из состояния духовного или материального кризиса.

Ключевые слова: эмансипация; женщина; запад; восток; Россия; равенство; культура.

Для цитирования: Гузенина С.В. О женской эмансипации в социокультурном контексте // Caucasian Science Bridge. 2020. Том 3. № 3 (9). С. 43-52.

Women's emancipation in the socio-cultural context**Svetlana V. Guzenina***G.R. Derzhavin Tambov State University
Tambov, Russia*

Abstract: The article analyzes the problem of the evolution of the phenomenon of female emancipation as a socio-cultural process of reconstruction of the gender system. The author notes that the genesis of emancipation as a social process has a pronounced socio-cultural character, with obvious differences in the nature of its dynamics: having started in the West, the main features of female emancipation find their expression both in the Islamic East and in Russia, but have an authentic specificity and character of manifestation.

The author has experimentally shown that the Russians of a typical provincial city meekly accept the actual gender inequality that has developed in society, with its obvious statement, reduce the role of women to traditional marriage and family relations. The lack of egalitarian relations, according to the respondents, is mainly due to the financial dependence of the Russian woman, the feminization of poverty, while the actual inequality in relations with a man, the Russians do not consider a problem, meaning by "self-realization" not respect for their rights, but the experience of strong women who have emerged from a state of spiritual or material crisis.

Keywords: emancipation; woman; West; East; Russia; equality; culture.

For citation: Guzenina S.V. Women's emancipation in the socio-cultural context // Caucasian Science Bridge. 2020. Vol 3. No 3 (9). P. 43-52.

Процесс женской эмансипации в настоящее время охватил все страны мира глобально, поэтому борьба женщин за свои права, как физические, так и юридические, остается до сих пор актуальным явлением, требующим артикуляции и акцентуализации в социальных науках.

Принимая за основу формулировку эмансипации женщины как социокультурного прогресса и процесса, согласимся с определением, данным российским исследователем О. Лысенко, о том, что она представляет собой, по сути, конструирование новой системы гендерных отношений, которая предполагает социальную реконструкцию старой гендерной системы и закрепление вновь сложившейся системы в культуре (Лысенко, 2009).

Рассматривая эмансипацию сквозь призму социокультурной парадигмы, сле-

дует заметить не только ретроспективную дифференциацию в ее появлении как общественного процесса, но и различие в характере ее динамики. Западная женская эмансипация имеет, в первую очередь, социокультурный характер, что связано, естественным образом, с распространением гуманизма и социального феминизма. Борьба женщин Востока, однако, имеет свою специфическую историю, формы проявления и цели, что дает многим исследователям использовать компаративный анализ как средство изучения женской эмансипации в гендерном, культурном, социальном, экономическом и других аспектах.

Эмансипация как женское движение впервые проявилась в современном понимании на христианском западе как теория и практика борьбы женщин за равноправие в странах Европы и США. Впервые представления о различии полов возникли, как известно, в эпоху Античности. В это же время была сформулирована, благодаря великому Платону, объявившему в труде «Государство» о возможности существования общности жен и детей в идеальном обществе, и концепция мизогинии, подхваченная и другими античными мыслителями.

Только с рождением эпохи Средневековья, где теоцентричность как основная черта является акцентом философии запада, началось постепенное изменение отношения человечества к женщине и ее правам. «Женская культура» Кристины де Пизан, как коллективный опыт прошлых столетий феминности в социокультурном аспекте, позволил в будущем развивать теоретические вопросы в борьбе прав женщин на образование, они оказались надолго в центре процесса эмансипации.

Переломным моментом в области развития идей эмансипации стал XVIII век – эпоха Просвещения. Развитие идеи гуманизма, социального равенства повлияли на женщин революционно, что ознаменовано, в первую очередь, «Декларацией прав женщины и гражданки» 1789 г. Олимпии де Гуж, текст которой актуален и сегодня. В этот период появляются на свет и другие великие работы, оставившие след на всем идейном развитии будущего феминизма: «Защита прав женщины» Мэри Уоллстонкрафт, «Об улучшении гражданских прав женщин» Теодора фон Гиппеля, «О даровании женщинам гражданских прав» Мари Жана Антуана Кондорсе. Однако практическую направленность данные идеи, к сожалению, не имели. Тем не менее, благодаря таким работам появилось одно из первых направлений феминизма как идеологии – социальный феминизм, который, благодаря французским теоретикам Э. Легуве и Л. Рише, предопределил развитие эмансипации с поддержкой не только общественности, но и законодательства.

Конец XIX – начало XX века ознаменовался для женской борьбы за равноправие одним из самых влиятельных периодов всей истории процесса, так как именно в этот момент эмансипация проявляет себя не только в теоретической, но и практической направленности, главным образом, имея огромную политическую силу на западе. Общественные движения, созданные для пропаганды демократизации и либерализации реформ, стали главным ключом не только в социальных сферах, но и культуре. Женщины начинают активную борьбу за отмену двойного стандарта морали, а также за право распоряжения собственным телом и возможностью деторождения. Впервые зашла речь о легализации абортов и использования контрацептивов, что в принципе, изменило социальный и правовой статус женщин. Конечно, активное стремление к женской эмансипации привело к тому, что «женский вопрос» стал одним из самых острых вопросов повседневности. Однако негативное отношение к женскому равноправию так же отражается в трудах видных теоретиков запада, особенно в философской мысли Австрии и Германии, где в трудах Ф. Ницше, О. Вейнингера и П. Мебиуса эмансипация рассматривается как угроза всему человечеству. И все же, западные женщины, добившись равных политических прав, на тот момент, по-

влияти на эмансипацию во всем мире (*Великородных, 2006; Волкова, 2007; Глазырина, 2007; Ерошенко, 2002*).

XX век как третья «волна» борьбы женщин за равные права проходит под лозунгом «Равенство в различии». Особенностью данного этапа является осознание факта: приобретя равные избирательные права, женщины не получили должного (равного) отношения мужчин к ним, процесс доминирования-подчинения, начиная с Античности, продолжается до сих пор. Причину явления феминистки видят по-разному, так как само течение дифференцировалось. Главными идейными представительницами третьей «волны» феминизма стали Симона де Бовуар (работа «Второй пол») и Бетти Фридан (труд «Загадка женственности»). С. Де Бовуар причиной неравного отношения мужчин к женщинам считает социальные нормы, которые приобретаются, хранятся, транслируются через социальные институты, при этом констатируют: маскулинное – это культурная норма, в отличие от феминного, что предполагает в себе – «другое», то есть отклонение от нормы. Теоретики третьей волны призывали своих читательниц обратить внимание на проблему становления женщины в качестве субъекта, то есть стремилась донести важность личностного развития женщины, формирования в женском мировоззрении понятий «свобода воли» и «свобода выбора», а также самореализации как доминирующего компонента сознательности индивида, не зависимо от пола. Женщина, рожденная в эпоху укорененных гендерных стереотипов, начиная с периода своей социализации учится быть инертной, пассивной, согласной отказаться не только от борьбы за свои права, но и от самой возможности воспользоваться ими, даже при появлении такой возможности. Б. Фридан пытается «вырвать» своих читательниц из рамок семейного уклада, так называемого «уютного концлагеря». Способ решения этой проблемы она видит в реализации экономических и юридических реформ.

В результате движение феминисток, пропагандирующее себя как механизм продвижения идеологии эмансипации, в странах Запада и США добилось потрясающих результатов, в этих странах для женщин открыты все возможности профессионального роста. Однако двойной стандарт в отношении женщин так и остается нерешенной проблемой. В целом, можно выявить главную черту борьбы за равные права женщин на христианском западе – ее социокультурный характер, в отличие от мусульманского востока, где процесс женской эмансипации имеет абсолютно другой характер (*Зинурова, 2004; Каппелер, 2003; Карпенкова, 2004; Кобищанов, 2002; Утургаури, 2007*).

Процесс эмансипации женщин востока имеет свою особую историю, цели и формы проявления, отличные от западного пути, да и в целом следует отметить, что понятие эмансипации женщин имеет различное значение по отношению к западному и восточному типу культур (*Малашенко, 2007; Ниязи, 2012; Отношение к..., 2003; Положение религиозной..., 2008; Собянин, 2004*). В данном случае реконструкция системы гендерных отношений на культурном уровне предполагает и модификацию религиозных воззрений на место женщины в обществе и семье. Для восточного типа культуры это предполагает и нарушение идеологии ислама как регулятора социальных отношений между полами. Исследователь О. Лысенко указывает, что «на Арабском Востоке XIX век стал временем интеллектуального всплеска по решению социальных проблем, где одной из ведущих тем стала проблема эмансипации мусульманских женщин. Египет стал форпостом женской эмансипации на Арабском Востоке. Радикальные перемены в образе египетских женщин, составляющих среднее и высшее сословия, способствовали развитию женского самосознания. Уже в 1899 году в Египте набирало силу движение женщин-феминисток» (*Лысенко, 2009*).

Тот же автор отмечает, что в настоящее время, под воздействием глобализа-

ции, на востоке происходит вестернизация образа жизни и мышления, несущая в себе ценности западной культуры, однако с точки зрения исследователя, «для исламских народов арабского Востока, где ислам проник во все сферы социокультурной жизни, такие процессы несут угрозу потери культурной самобытности, делая необратимыми процессы архаизации культуры». Как реакция на западное вторжение, культура начинает защищаться, капсулироваться, именно «вследствие этого, в исламском мире все чаще вспыхивают очаги исламского фундаментализма как защитная реакция на натиск западной культуры». Относительно прав женщин виной всему в СМИ объявляются именно «традиции», которые выступают основной причиной угнетенного и подчиненного положения женщины. «Ислам может в полной мере обеспечить восстановление образа жизни и социальных норм, при которых оба пола обрели бы равенство и согласие. В результате этого религиозные ограничения постепенно теряют свое значение как единственные факторы, ограничивающие общественную деятельность женщин» (Лысенко, 2009).

Исследование культуры и социальной жизни женщины востока занимают в России востоковеды Р. Тахтау, Ю.Н. Невский, С.Д. Серебряный, С.И. Муртузалиев, В.Л. Рабинович, В.Г. Лысенко, Е.А. Богатырева, В.М. Алпатов, А.Н. Мещеряков, К.Э. Разлогов, Е.С. Штейнер и другие (Ерошенко, 2002; Зинурова, 2004; Каппелер, 2003, Лысенко, 2009). В целом изучение образа Востока на современном этапе в социально-гуманитарной науке представлено в рамках трех парадигм: парадигмы Другого, парадигмы Такого Же Самого и ориенталистской парадигмы. Сегодня, скорее, можно говорить не о вестернизации востока или ориентализации запада, но об их взаимопроникновении. На пути к созданию универсальной мировой культуры, предполагающей не стандартизацию и тотальность, но снятие барьеров между культурами, важная роль принадлежит стремящимся друг к другу востоку и западу. Восток с давних времен манит западного человека своей таинственностью, и многие писатели, художники, историки и путешественники пытались открыть «свой» восток. Двадцатый век, благодаря цифровой и информационной революции открыл множество возможностей для общения между людьми из самых разных уголков мира. Не только театр, литература, фольклор, но и фотография, а также кинематограф сыграли немалую, а, быть может, и главную роль в создании образа восточной цивилизации, исламской культуры и, конечно, женщины востока. В этом смысле равноправие женщин и мужчин – главный современный катализатор социальной солидарности в глобальном социуме, а эмансипация, как динамичный процесс, зародившийся на западе, имеет специфику провозглашения выбора для каждого индивида, – мужчины и женщины, – быть равным по отношению к другим.

Борьба за равные права в гендерном аспекте в современное время имеет, в основном, экономическую и культурную направленность. Вопрос безработицы, насилия в семье, гендерное неравенство в сфере бизнеса и управления – это лишь малая часть того, что проявляется в социокультурном пространстве из-за неравного отношения социума к женщинам. Следует учесть и такой фактор динамики эмансипации как стереотипное мышление, которое, вырабатываемое опытом прошлых столетий, а также СМИ, распространяет свое главное внимание на мужчин, как доминирующих представителей социума и коллективного сознания.

Главной причиной низкой динамики женской эмансипации в России остается боязнь перемен, женщины до сих пор остаются в тени мужского влияния, не желая транслировать собственную значимость для общества, указывая главным своим предназначением репродуктивность. При этом результаты российских эмпирических исследований по проблеме положения женщин показывают, что наблюдается социальная ностальгия по советскому прошлому, когда статус женщины был привя-

зан к сфере общественного производства, в том числе политике, науке, управлению.

Весной 2018 года в городе Тамбове автором было проведено эмпирическое социологическое исследование в один этап, методом письменного опроса, выборка квотная (пол, возраст, студентки средне-специальных и высших учебных заведений Тамбова), N=300. По критерию «возраст» респонденты, участвующие в опросе, распределились следующим образом: 50% в возрасте 20-22 лет, 28% респондентов – 17-19 лет, 22% – в возрасте 23-25 лет, основной контингент находится в диапазоне 20-22 лет. Из них 82% респондентов – не замужем, 14% – замужем, 4% – разведены. Известно, что тенденция женской эмансипации начала усиливаться в обществе в связи с упадком религиозности, поэтому данный критерий был включен в инструментарий. Большинство женщин, принимавших участие в опросе, в возрасте 17-25 лет – не религиозны, 26% – религиозны (см. рис. 1).

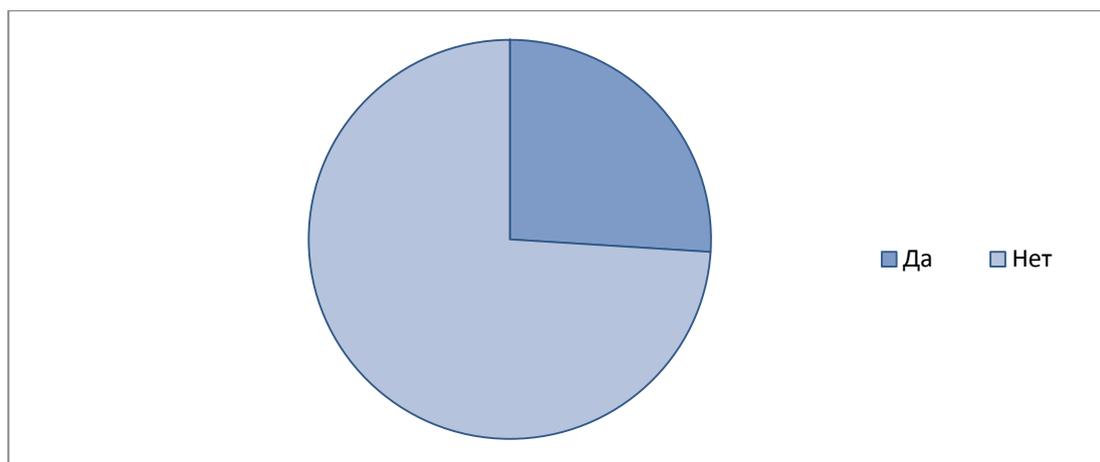

Рисунок 1. Распределение респондентов по критерию религиозности («да» – верующая; «нет» – неверующая)

Респондентам был задан вопрос о понятии женской эмансипации. Оказалось, что 92% женщин знакомы с категорией и имеют представление о феномене. Осмысленность данного термина представляется автору важным критерием.

Данные прошлых десятилетий показывали, что российские женщины не являются активными сторонницами борьбы за свои права, так как боятся ответственности, либо перемен. Наше исследование показало, что женщины по-прежнему нейтрально относятся к существующему неравенству, лишь 18% респонденток заявили о том, что борьба женщин за свои права – это хорошая идея. 6% женщин заявили, что отрицательно относятся к стремлению женщин бороться за свои права (см. рис. 2).

Более половины (74%) тамбовчанок признались, что сталкивались с проблемой фактического женского неравенства (см. рис. 3). Это указывает на то, что несмотря на политику государства в решении проблемы гендерного неравенства в РФ на законодательном уровне, реального равенства между мужчиной и женщиной к началу 21 века так и не достигнуто. Фактическое неравенство в гендерном аспекте связано, в первую очередь, с возникновением нерешенных проблем у женщин в экономической, социальной, научной сферах. Важно отметить, что семейное насилие – часть гендерного неравенства, при этом под семейным насилием, в данном аспекте, имеется ввиду, и психологическое (издевки, манипулирование, критика по поводу внешних и внутренних качеств и т.д.).

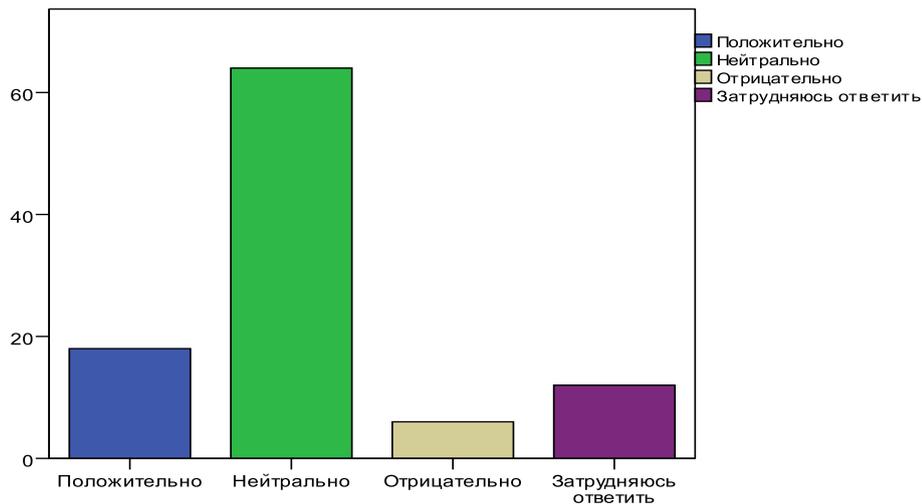

Рисунок 2. Отношение респондентов к стремлению женщин бороться за свои права

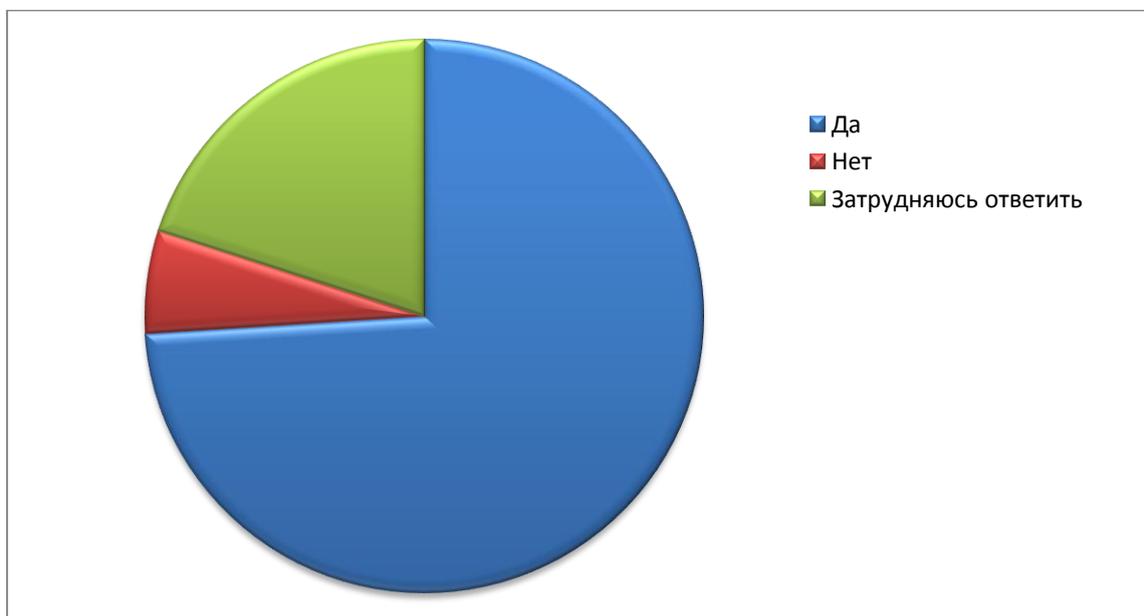

Рисунок 3. Распределение мнений респондентов по вопросу «Сталкивались ли Вы с фактическим гендерным неравенством?», (%)

На вопрос о том, равны ли шансы у мужчины и женщины в продвижении по карьерной лестнице и профессиональному росту, большая доля респонденток отметила, что до сих пор такие шансы не равны (см. рис. 4). Отметим, что в Российской Федерации равные права мужчин и женщин провозглашаются в Конституции РФ, фактически это равенство не соблюдается. Разумеется, такое положение дел связано не с конкурентоспособностью знаний, а со стереотипными представлениями по поводу того, что мужчина «первый – главный – умный» по сравнению с любой женщиной. Важно отметить, что тенденция такого отношения к женщинам наблюдается как в крупных российских городах, так и в провинциальных. Прогнозы социологов прошедших десятилетий, к сожалению, сбылись: города, богатые аграрным хозяйством и легкой промышленностью, были подвержены «девуменизации» настолько же, насколько и мегаполисы. В этой связи мнение участниц опроса о том, равны ли карьерные шансы у российской женщины по сравнению с мужчиной – достаточно основательны, и, возможно, приобретены жизненным опытом.

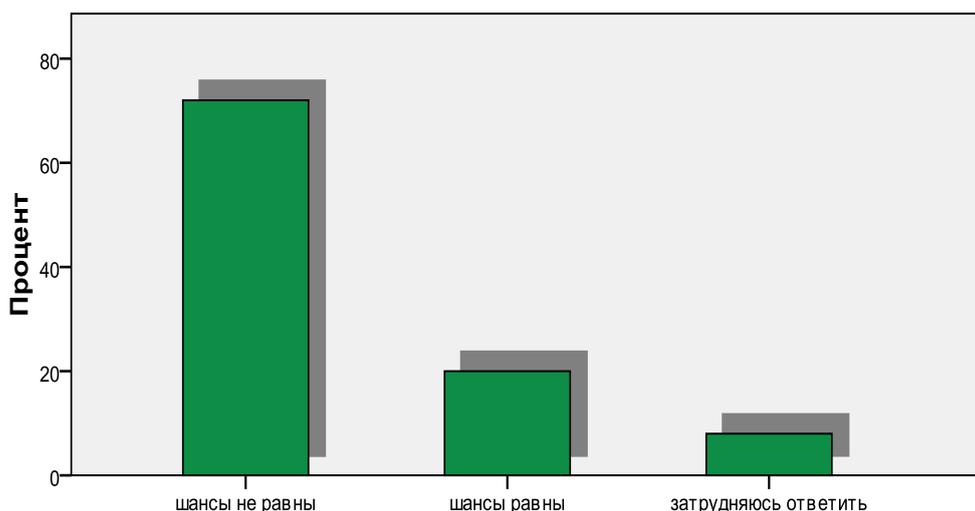

Рисунок 4. Распределение мнений респондентов о равенстве шансов у мужчин и женщин в профессиональном росте и карьере, (%)

Справедливости ради отметим, что проблема гендерной сегрегации и связанных с ней сложностей (феномены «стеклянного потолка» и «липкого пола») на рынке труда не нова и носит не российский, а общемировой характер.

На вопрос о том, что включает в себя понятие «самореализация женщины как личности», респонденты ответили следующим образом: 52% считает, что воспитание независимого сознания в женщине. Независимое сознание – это, главным образом, уровень ответственности женщины за свою жизнь и жизнь близких людей. Также респондентки отмечают, что под самореализацией они понимают стремление к материальной независимости благодаря своим личным интеллектуальным и трудовым качествам. Интересным нам видится следующее: большинство молодых тамбовчанок утверждают, что опыт сильных женщин, вышедших из состояния духовного/материального кризиса, и является самореализацией; 8% женщин понятие самореализации связывают с проблемами образования и духовности; 4% указывают, что самореализация женщины как личности – это «поиск себя».

Размышляя об основной роли женщины в обществе, 70% респондентов указали на возможность создания семьи и иметь детей. Таким образом, несмотря на то, что российская женщина декларирует свое стремление к самореализации, традиционные представления о предназначении женщины – чрезвычайно высоки.

Результаты нашего опроса показали что, несмотря на транслируемое желание российских женщин реализовать себя, быть полезной стране (соответствует западному типу мировоззрения), на практике русская женщина в провинции живет «повосточному», в условиях финансовой зависимости, вынужденная зачастую соглашаться с мужем и терпеть несправедливость со стороны мужчины дома и на работе, причем чаще всего ради сохранения средств к существованию (чтобы прокормить себя или детей).

По итогам авторского эмпирического исследования, следует сказать об общих заключениях:

- женская эмансипация, как общественное явление имеет в России большей степени не политическую, а социокультурную направленность;
- российские женщины имеют свой собственный, «российский взгляд» на понятие эмансипации. Такое положение дел обусловлено тем, что фактическое неравенство в отношениях с мужчиной россиянки не считают проблемой, а под гендерным неравенством женщины России понимают, в первую очередь, экономическое

неравенство (в том числе российские статистические и демографические центры указывают на феномен «феминизации бедности»);

– отношение женщин к эмансипации как борьбе женщин за свои права – нейтральное. Большинство придерживаются мнения о том, что главная роль женщины в обществе – создание семьи;

– на примере провинциального российского города выявляется тенденция незначительного интереса к западным ценностям феминизма, при этом возмущением женщин гендерным неравенством в сочетании с покорностью и конформизмом на бытовом и общественном уровнях.

В завершение настоящей статьи без комментариев приведем известные строки о русского поэта Н.А. Некрасова, написанные в 1862 году:

...Слышится крик у соседней полосыньки,
Баба туда – растрепалися косыньки, –
Надо ребенка качать!
Что же ты стала над ним в отупении?
Пой ему песню о вечном терпении,
Пой, терпеливая мать!..
Слезы ли, пот ли у ней над ресницею,
Право, сказать мудрено.
В жбан этот, заткнутый грязной тряпицею,
Канут они – все равно!
Вот она губы свои опаленные
Жадно подносит к краям...
Вкусны ли, милая, слезы соленые
С кислым кваском пополам? (Некрасов, 1981)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Гузенина Светлана Валерьевна

Доктор социологических наук, профессор,
факультет истории, мировой политики и
социологии,
Тамбовский государственный универси-
тет имени
Г.Р. Державина,
E-mail: dialog-lana@yandex.ru

Guzenina Svetlana Valerievna

Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Faculty of History, World Politics and Soci-
ology,
G.R. Derzhavin Tambov State University
E-mail: dialog-lana@yandex.ru

Литература

1. Балтанова Г. Мусульманка в поэзии // Минарет. 2006. № 1 (8). Режим доступа: <http://www.islamrf.ru/news/culture/mosaique/1664/>
2. Великородных О.В. Когнитивно-лексическая структура концепта FEMME («ЖЕНЩИНА») во французской художественной картине мира Ф. Саган (на материале произведения Ф.Саган UN CERTAIN SOURIRE) // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2006. № 5. С. 59–71.
3. Волкова Г. Женщина у руля // Lady Boss (2007). Режим доступа: <http://www.ladyboss.com.ua/ownbusiness/zhen-u-rulya/>
4. Глазырина М.Н. Ассоциативные поля слов femme – женщина и fille - девочка во французском и русском языках // Scripta manent. Смоленск, 2007. Вып. 14. С. 10–19.
5. Ерошенко Т.И. Проблемы современной антропологии: феминология, маскулинология, андрогинология // Вестн. Рос. филос. об-ва. М., 2002. № 4. С. 143–147.
6. Зинурова Р.И. Женское измерение этноконфессиональных стереотипов в Республике Татарстан // Глобализация и национальная самобытность. Форум языков. Секция: Женский фактор. Общество и политика: докл. междунар. конф. Казань, 2004. С. 20–23.
7. Каппелер А. Две традиции в отношениях России к мусульманским народам Российской им-

перии // Отечественная история. 2003. № 2. С. 129–135.

8. Карпенкова Т.В. Политика самодержавия в отношении мусульманского населения России: Вторая половина XIX в. – февраль 1917 г. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. 35 с.

9. Кобищанов Ю.М. Мусульмане России, коренные российские мусульмане и русские мусульмане // Мусульмане изменяющейся России. М., 2002. С. 61–110.

10. Лысенко О.Е. Эмансипация женщин в исламском культурном пространстве Северного Кавказа : автореферат дис. ... к-та филос. наук. Ставрополь, 2009. 21 с.

11. Малашенко А. Почему боятся ислама? // Россия и мусульманский мир. 2007. № 3 (177). С. 121–141.

12. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем в 15-ти томах. Том 2. Л.: «Наука» (1981). Режим доступа: <https://ilibrary.ru/text/1128/p.1/index.html>

13. Ниязи Мехти. Мусульманская женщина: сложные последствия наложенных ограничений // Gross Vita: история, теория, методология гендера: [период. теор. изд-е] / Гендерный информ.-аналит. центр. [Б.г.]. № 1. (2012). Режим доступа: <http://giacgender.narod.ru/n1t1.htm>

14. Отношение к исламу. Опрос населения (2003). Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/cat/rel_rel/islam/dd032428

15. Положение религиозной женщины в современном обществе: [в Саратове прошла научно-практическая конференция, посвященная «женскому вопросу»] // Мусульманка. № 26 (2008). Режим доступа: <http://musulmanka.net.ru/news/2008-06-26-146>

16. Рифтин Б.Л. Описание женщины-богатырши в восточно-монгольском эпосе // Этнопоэтика и традиция. М., 2004. С. 18–28.

17. Собянин А. Исламофобия / А. Собянин, Алмаз Калет // Relga: науч.-культурологический журн. №5 (2004). Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?Textid=184&level1=main&level2=articles>

18. Тихонов А.К. Политика Российской Империи по отношению к католикам, мусульманам, иудеям в последней четверти XVIII-начале XX в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2008. 46 с.

19. Утургаури С.Н. Женщина Востока в литературе и обществе / С.Н. Утургаури. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2007. 175 с.

References

1. Baltanova G. (2006). Muslim woman in poetry. Minaret. No. 1 (8) Available at: <http://www.islamrf.ru/news/culture/mosaique/1664/>

2. Velikorodnykh O.V. (2006). Cognitive-lexical structure of the concept FEMME ("WOMAN") in the French artistic picture of the world F. Sagan UN CERTAIN SOURIRE). Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya Sovremennyye lingvisticheskiye i metodiko-didakticheskiye issledovaniya. No. 5. P. 59-71.

3. Volkova G. (2007). Woman at the helm. Lady Boss Available at: <http://www.ladyboss.com.ua/ownbusiness/zhen-u-rulya/>

4. Glazyrina M.N. (2007). Associative fields of words femme - woman and fille - girl in French and Russian. Scripta manent. Smolensk. No. 14. P. 10-19.

5. Eroshenko T.I. (2002). Problems of modern anthropology: feminology, masculinology, androgynology // Vestn. Grew up. philosophy. M., No. 4. P. 143-147.

6. Zinurova R.I. (2004). Women's dimension of ethno-confessional stereotypes in the Republic of Tatarstan // Globalization and national identity. Forum of languages. Section: The Female Factor. Society and Politics: Dokl. international conf. Kazan, P. 20-23.

7. Kappeler A. (2003). Two traditions in Russia's relations to the Muslim peoples of the Russian Empire // Otechestvennaya istoriya. No. 2. P. 129-135.

8. Karpenkova T.V. (2004). The policy of autocracy in relation to the Muslim population of Russia: the second half of the XIX century. – February 1917. M., 35 p.

9. Kobishanov Yu.M. (2002). Muslims of Russia, indigenous Russian Muslims and Russian Muslims // Muslims of Changing Russia. M., P. 61-110.

10. Lysenko O.E. (2009). Emancipation of women in the Islamic cultural space of the North Caucasus. Stavropol, 21 p.

11. Malashenko A. (2007). Why are they afraid of Islam? Russia and the Muslim world. No. 3 (177). P. 121-141.

12. Nekrasov N.A. (1981). Complete works and letters in 15 volumes. Volume 2. L.: "Science" Available at: <https://ilibrary.ru/text/1128/p.1/index.html>

13. Niyazi Mekhti (2012). Muslim woman: complex consequences of imposed restrictions // Gross Vita: history, theory, methodology of gender: / Gender inform.-analyt. Centre. No. 1. Available at: <http://giacgender.narod.ru/n1t1.htm>

14. Attitude towards Islam. Population survey (2003). Available at: http://bd.fom.ru/report/cat/rel_rel/islam/dd032428
15. The position of a religious woman in modern society: [a scientific and practical conference dedicated to the "women's issue" was held in Saratov] (2008). Muslim woman. No. 26 Available at: <http://musulmanka.net.ru/news/2008-06-26-146>
16. Riftin B.L. (2004). Description of a woman-hero in the East Mongolian epos // Ethnopoetics and Tradition. M. P. 18-28.
17. Sobyenin A. (2004). Islamophobia / A. Sobyenin, Almaz Kalet // Relga: scientific and cultural journal. No. 5. Available at: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?Textid=184&level1=main&level2=articles>
18. Tikhonov A.K. (2008). The policy of the Russian Empire in relation to Catholics, Muslims, Jews in the last quarter of the 18th and early 20th centuries. SPb., 46 p.
19. Uturgauri S.N. (2007). Woman of the East in literature and society / S.N. Uturgauri. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 175 p.

Поступила в редакцию

14 июля 2020 г.

**СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ РЕГИОНА:
ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ**

УДК 314.04

**Природа и логика развития современного российского патриотизма
в историческом и политологическом дискурсе****А.В. Верещагина***Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Аннотация: Актуальность данной проблематики обусловлена вызовами современной эпохи и активизацией патриотической тематики в общественно-политическом и научном российском дискурсе в свете обострения международных отношений и необходимости выбора идентификационной траектории, во главе которой должна находиться единая национальная идея. Такой идеей сегодня провозглашается патриотизм, но возникает вопрос о сущностном содержании данного явления, которое, будучи идеологически нагруженным в российской реальности, утрачивает свои терминальные основания и трансформируется в идеологический конструкт массового политического воздействия.

Обращение к дискурсу патриотизма, сложившемуся в области исторических и политологических исследований, позволит пролить свет на природу и логику развития патриотизма в современной российской реальности.

Ключевые слова: патриотизм; патриотические ценности; дискурсивные практики; тематический дискурс; типы патриотизма.

Для цитирования: Верещагина А.В. Природа и логика развития современного российского патриотизма в историческом и политологическом дискурсе // Caucasian Science Bridge. 2020. Том 3. №3 (9) С. 54-59.

**The nature and logic of the development of modern Russian patriotism
in historical and political science discourse****Anna V. Vereshchagina***Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Abstract: The relevance of this issue is due to the challenges of the modern era and the intensification of patriotic themes in the socio-political and scientific Russian discourse in the light of the aggravation of international relations and the need to choose an identification trajectory, at the head of which should be a single national idea. Such an idea today proclaims patriotism, but the question arises about the essential content of this phenomenon, which, being ideologically loaded in Russian reality, loses its terminal foundations and is transformed into an ideological construct of mass political influence.

An appeal to the discourse of patriotism that has developed in the field of historical and political science research will shed light on the nature and logic of the development of patriotism in contemporary Russian reality.

Keywords: patriotism; patriotic values; discursive practices; thematic discourse; types of patriotism.

For citation: Vereshchagina A.V. The nature and logic of the development of modern Russian patriotism in historical and political science discourse // Caucasian Science Bridge. 2020. Vol 3. №3 (9). P. 54-59.

Патриотизм в исторических исследованиях предстает, как явление, имеющее логику своего становления и эволюционно-историческую обусловленность. И, вместе с тем, исторические интерпретации патриотизма во многом пересекаются с определениями философского, социологического, педагогического характера, отражая в качестве ключевой составляющей данного феномена чувство привязанности и любви к Отечеству, сопричастность к его судьбе, культуре, истории, к судьбе своего народа (*Овсянникова, Кузнецова, 2013*).

Но, как и в любой отрасли научного знания, в исторической существуют свои особенности дискурсивных практик в отношении патриотизма. Данное явление Г.Н. Лебедевой связывается с национальной идеей, эволюция которой, согласно мнению данного автора, детерминирует и эволюцию патриотизма с его доминантными смыслами и характеристиками, ценностями и механизмами формирования (*Лебедева, 2016*). Представив

эволюцию национальной идеи в России со времен преодоления ордынского ига до наших дней, Лебедева убедительно доказала «родовую» связь современного российского патриотизма с историей и логикой этой эволюции, обосновав таким образом его этатистский характер, ярко проявляющийся в этике служения государству, беспредельной и бескорыстной преданности ему, жертвенности, ибо «за Державу обидно».

Нерефлексивный характер такого типа патриотизма, основанного на «слепой» любви к своему Отечеству, отражает особенности российского менталитета (*Лубский, Сериков, 2016*), в который патриотизм вписан в качестве важнейшего структурного элемента. Предостерегал от слепой влюбленности в Отечество в «Апологии сумасшедшего» (1837 г.) П. Чаадаев, который, будучи патриотом, призывал любить свое Отечество осознанно, с ориентацией на деятельность, в основе которой знание и понимание происходящих в обществе процессов, восприятие болевых точек и пороков страны. Такой патриотизм он называл подлинным, настоящим в противовес «дурному патриотизму», за которым нет ничего, кроме слов и слепой любви (*Чаадаев, 1991*).

Историки отмечают важный факт, что с изменением общественного строя, идеологических доминант и т.д. сущностная сторона российского патриотизма, который Д.А. Питченко дифференцирует на два крупных типа – военный и гражданский, не изменилась, что выразилось в величайшем проявлении военно-гражданского патриотизма советского народа в годы ВОВ, который и в послевоенный период продолжал сохраняться на высоком уровне и позволил за сжатые по историческим меркам сроки восстановить разрушенную страну (*Питченко, 2015*). Д.А. Питченко констатирует, что отсутствие общенациональной идеологической платформы или, как пишет Лебедева, – национальной идеи, привело практически к полному упадку патриотических чувств в постсоветском обществе, признаками чего выступают такие явления, как равнодушное отношение к истории страны и, как следствие, отсутствие осознанного понимания прошлого и настоящего своего народа, равнодушное отношение к его будущему; завистливое отношение к западной цивилизации на фоне ущемленного чувства национальной гордости в результате девальвации достижений прошлого и отсутствия значимых достижений в настоящем, тяжелейшего экономического положения страны и обнищания населения. В результате, – катастрофическое снижение гражданской ответственности, чувства долга с параллельным ростом миграционных установок.

С.А. Магарил (*Магарил, 2016*) в своем исследовании, отталкиваясь от понимания патриотизма как базовой конструкции национального сознания, как героического прошлого и образа достойного общенационального будущего, как способности воплощать этот образ в действительность, утверждает, что современной России для предотвращения разрушительных социальных конфликтов нужна принципиально иная версия патриотизма, нежели установившаяся в постсоветской действительности, – версия гражданского патриотизма. В ее основе – ценности гражданского общества, права и свободы граждан.

Продолжая линию исследования патриотизма в контексте национальной идеи, следует завершить этот ракурс выводом о том, что в постсоветском государстве сам патриотизм, который всегда был вписан в идеологическое пространство национальной идеи, становится этой идеей, как всегда происходило в истории России, – не без участия главы страны. Именно В.В. Путин обратил внимание на интегративный потенциал патриотизма и решил, что именно патриотизм должен стать объединяющей идеей в российском обществе. А Б.А. Ручкин откровенно с авторитетом Президента РФ связывает перспективы развития патриотизма в стране как национальной идеи и мобилизационного проекта (*Ручкин, 2015*).

Историки обращают внимание на тот факт, что в русском народном сознании сформировалось особое отношение к патриотизму и особый, военизированный патриотизм, так как, по образному выражению А.Г. Бахтина, «историческая судьба России такова, что состояние мира для нее всегда было скорее исключением, а война – жестоким правилом» (*Бахтин, 2014*), что и привело к тому, что только те, кто защищали Родину, считались настоящими патриотами и героями.

Несколько иной взгляд на патриотизм с точки зрения исторической науки представлен А.И. Щербининым, который с позиций конструктивистского подхода и с опорой на официальные исторические документы отвергает естественную природу патриотизма, рассматривая данное явление как идеологический инструментальный конструкт. И советский патриотизм, с его точки зрения, не только не исключение, но и верное тому подтверждение, а в доказательство им подробно анализируется направленный под грифом «секретно» в 1947 году, когда в патриотизме советских людей сомневаться не приходилось, на имя А.А. Жданова, на тот момент занимавшего должность секретаря ЦК ВКП (б), документ под названием «План мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма» (*Щербинин, 2016*).

Патриотическая реальность как конструируемая всегда подчинена определенным целям и задачам существующего или формирующегося социально-политического порядка. И в политологических разработках эта инструментальная сущность патриотизма нашла свое выражение. Патриотизм, как указывает Е.С. Жаринова, может использоваться государством как технология, инструмент и в благих целях: например, для консолидации общества, мобилизации отдельных социальных групп, повышения их социальной и гражданской активности (*Жаринова, 2015*), но даже при благих намерениях патриотизм из понятия терминального в данном контексте переходит в инструментальное. Иными словами, в политологии патриотизм утрачивает свое экзистенциальное звучание, которым пронизан философский патриотический дискурс, и приобретает инструментальный характер. В данном контексте он выступает способом изменения социально-политической реальности.

Рассмотренное (назовем его инструменталистским) направление в политологическом изучении патриотизма не является единственным при том, что традиционно в политологии исследования по патриотизму проводятся в контексте протекающих в обществе политических процессов и явлений.

Так, Т.Н. Самсонова в своей работе, не давая какого-то единого, комплексного и целостного определения данного явления, указывает на то, что патриотизм – это и «высокий» уровень идентификации личности, характеризующийся тем, что для человека принадлежность к своей стране становится более приоритетной, нежели этническая принадлежность; и как важный фактор консолидации общества; и как «деятельная» любовь к своей стране; и, в конце концов, – естественное для каждого человека чувство (*Самсонова, 2015*).

Однако, как отмечает М.А. Ешев, если рассматривать патриотизм с идентификационных позиций, т.е. как основу российской идентичности, то «государство и его население становятся политической формой понятия «Родина» (*Ешев, 2013*), что определяет само понятие патриотизма в данном контексте в понятие политологического порядка при всем том, что идентификационная функция патриотизма исследуется представителями всех направлений социально-гуманитарного блока. Но, как отмечает М.А. Ешев, есть одна опасность – излишняя политизированность патриотизма при игнорировании его личностного смысла и содержания могут трансформировать его в политический инструмент для использования не во благо общества и государства (*Ешев, 2014*).

Д.Н. Беспалов к этому вопросу подходит иначе: он полагает, что патриотизм как отражающий актуальность политического процесса представляет собой коллективную форму сознания и деятельности (*Беспалов, 2015*). Символы социального равенства и справедливости, социального участия в риторике государственной и гражданской идентичности встроены в тематику современного российского патриотизма настолько, что он стал частью идеологической и социально-политической динамики социума.

В этой связи социально-политическая природа патриотизма определяет важность понимания исторической обусловленности данного феномена, что особенно имеет значение при исследовании обществ переходного типа и роли патриотизма в них (*Беспалов, 2015*).

Д.Н. Беспалов также, вслед за С.А. Магарилом, обращает внимание на то, что России нужен новый патриотизм, но его основным критерием должна стать способность фокусироваться на «уже существующих ценностях и нормах в культуре и обществе для того, чтобы выявлять преемственность между тем, что признано в качестве традиции, и инновациями, которые со временем становятся источником новых направлений, новых институций в политике» (*Беспалов, 2015*).

Особую роль в политической жизни страны, как отмечает Ю.Н. Трофимов, играет патриотическая идеология, и с этой точки зрения раскрывается еще одна грань политологического анализа данного явления. Этот ученый, понимая под патриотической идеологией систему патриотических взглядов и идей, отражающих приоритетные интересы социальных групп и социума в целом (*Трофимов, 2016*), убеждает в необходимости признать патриотическую идеологию общенациональной идеей. Таковая, с его точки зрения, крайне необходима в условиях идеологического плюрализма.

В заключении стоит отметить следующее.

По мере расширения глобальных потоков и втягивания народов в ситуацию, с одной стороны, унификации социокультурных ценностей и маркеров, жизненных стилей и образов поведения, а с другой – жесточайшего противостояния стран и народов по самым различным основаниям, иницируемым заинтересованными в «столкновении цивилизаций» акторами, патриотизм все активнее начинает использоваться как инструмент, направленный на реализацию политических целей и задач, национальных интересов государств на международной арене.

Идентичная ситуация сложилась и в современной России. Составляя ядро российской социокультурной матрицы, патриотизм привлек к себе внимание как способ консолидации социокультурно расколотого и дезинтегрированного общества (*Гражданский патриотизм..., 2019*), утратившего единые национальные идеи, цели, единое видение будущего России. Актуализированный на уровне государственной риторики в выступлении Президента РФ (*Большая пресс-конференция..., 2016*), патриотизм мгновенно занял центральное место в пространстве научного дискурса, но по этой же причине, стал стремительно приобретать облик идеологического концепта (*Верещагина, Нечипуренко, Самыгин, 2017*), что значительно осложняет формирование новой версии патриотизма, столь важной для современной России, – гражданского патриотизма.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Верещагина Анна Владимировна
Доктор социологических наук, профессор,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет,
E-mail: anrietta25@mail.ru

Vereshchagina Anna Vladimirovna
Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
E-mail: anrietta25@mail.ru

Литература

1. Бахтин А.Г. Исторические основы российского патриотизма // Вестник Марийского государственного университета. 2014. № 3. С. 9–14.
2. Беспалов Д.Н., Казаков М.А. Патриотизм как критерий изменений переходного политического процесса: проблемы на пути к информационному обществу // Бизнес. Общество. Власть. 2015. № 22. Режим доступа: <http://analitikaru.ru/2015/05/23/patriotizm-kak-kriterij-izmeneniya-politicheskogo-processa-kak-resurs-razvitiya-rossii/>
3. Большая пресс-конференция Владимира Путина. 23 декабря 2016 г. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/53573>
4. Верецагина А.В., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И. Патриотизм в России как идеологический концепт: социокультурные основания становления и воспроизводства в современной реальности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 6-7. С. 30-34.
5. Гражданский патриотизм и солидаристские практики в локальных сообществах на Юге России : коллективная монография / Ю.Г. Волков, А.В. Лубский [и др.] ; отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д. : Фонд науки и образования, 2019. 392 с.
6. Ешев М.А. Российский патриотизм как основа национальной идентичности // Власть. 2013. № 6. С. 116-118.
7. Ешев М.А. Патриотизм в советской и постсоветской России // Власть. 2014. № 5. С. 86-87.
8. Жаринова Е.С. Патриотизм как фрейм и технология мобилизации молодежи России в поддержку современного президентского политического курса // Власть. 2015. № 1. С. 74-76.
9. Лебедева Г.Н. Патриотизм как национальная идея // Царскосельские чтения. 2016. № XX. С. 12-24.
10. Лубский А.В., Сериков А.В. Патриотизм как базовая структура ментальной матрицы социального поведения в российском обществе // Научная мысль Кавказа. 2016. № 4. С. 35–42.
11. Магарил С.А. Смыслы патриотизма – исторические трансформации // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 142-151.
12. Овсянникова О.А., Кузнецова А.А. Исторические и современные социально-политические основы российского патриотизма // ВВ: Международные отношения. 2013. № 3. С.87-114.
13. Питченко Д.А. Трансформация понятия «патриотизм» в российской истории. (2015). Режим доступа: <http://novaya-epocha.ru/index.php/kontseptsiya/189-transformatsiya-ponyatiya-patriotizm-v-rossijskoj-istorii>
14. Ручкин Б.А. Российское общество: патриотизм XXI века // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. С. 52–70.
15. Самсонова Т.Н. Становление гражданина-патриота // Вопросы социальной теории. Т. VII. 2015. С. 231-239.
16. Трофимов Ю.Н. О патриотической идеологии в условиях идеологического многообразия // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 3(35). С. 23–31.
17. Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего. Полн. собр. соч. и избр. письма. М., 1991. Т. 1. 469 с.
18. Щербинин А.И. Патриотизм как номенклатурный конструкт // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 3. (35). С. 264. С.264-271.

References

1. Bakhtin A.G. Historical foundations of Russian patriotism // Bulletin of the Mari State University. 2014.No. 3. P. 9–14.
2. Bepalov D.N. Kazakov M.A. Patriotism as a Criterion for Changes in the Transitional Political Process: Problems on the Way to an Information Society // Business. Society. Power. No. 22. (2015). Available at: <http://analitikaru.ru/2015/05/23/patriotizm-kak-kriterij-izmeneniya-politicheskogo-processa-kak-resurs-razvitiya-rossii/>
3. Big press conference of Vladimir Putin. December 23, 2016 Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/53573>
4. Vereshchagina A.V., Nechipurenko V.N., Samygin S.I. Patriotism in Russia as an ideological concept: socio-cultural foundations of formation and reproduction in modern reality // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2017. No. 6-7. P. 30-34.
5. Civil patriotism and solidarity practices in local communities in the South of Russia: collective monograph / Yu.G. Volkov, A.V. Lubsky [and others]; отв. ed. SOUTH. Volkov. Rostov n / a. : Science and Education Foundation, 2019. 392 p.
6. Eshev M.A. Russian patriotism as the basis of national identity // Power. 2013. No. 6. P. 117.
7. Eshev MA. Patriotism in Soviet and Post-Soviet Russia // Power. 2014. No. 5. P. 86-87.

8. Zharinova E.S. Patriotism as a frame and technology for mobilizing Russian youth in support of the modern presidential political course // Power. 2015. No. 1. P. 74-76.
9. Lebedeva G.N. Patriotism as a national idea // Tsarskoye Selo readings. 2016. No. XX. P. 15.
10. Lubsky A.V., Serikov A.V. Patriotism as the basic structure of the mental matrix of social behavior in Russian society // Scientific Thought of the Caucasus. 2016. No. 4. P. 35-42.
11. Magaril S.A. The meanings of patriotism - historical transformations // Sociological research. 2016. No. 1. P. 142-151.
12. Ovsyannikova O.A., Kuznetsova A.A. Historical and modern socio-political foundations of Russian patriotism // NB: International relations. 2013. No. 3. P.87-114
13. Pitchenko D.A. Transformation of the concept of "patriotism" in Russian history. (2015). Available at: <http://novaya-epoha.ru/index.php/kontseptsiya/189-transformatsiya-ponyatiya-patriotizm-v-rossijskoj-istorii>
14. Ruchkin B.A. Russian society: patriotism of the XXI century // Knowledge. Understanding. Skill. 2015. No. 1. P 52-70.
15. Samsonova T.N. Becoming a citizen-patriot // Questions of social theory. T. VII. 2015.S. 233.
16. Trofimov Yu.N. On patriotic ideology in conditions of ideological diversity // Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. 2016. No. 3 (35). P. 23-31.
17. Chaadaev P.Ya. Apology for a madman. Full collection op. and fav. letters. M., 1991.T. 1. 469 P
18. Shcherbinin A.I. Patriotism as a nomenclature construct // Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. 2016. No. 3. (35). P. 264-271.

Поступила в редакцию

1 июня 2020 г.

МОЛОДЕЖНЫЙ ФОРМАТ

УДК: 316.346

Социальная инфантильность городской молодежи: сферы проявления**А.С. Демиденко***Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Аннотация: Проблема запаздывающего взросления становится все актуальнее в современном мире. Интерес к изучению социальной инфантильности вызван естественной ситуацией пролонгирования детства и молодости, изменением границ возраста и «отодвиганием» наступления взрослого, социально зрелого, периода жизни. Особенно остро стоит ситуация в крупных городах. Проведенный автором анализ различных факторов инфантилизации молодежи, выявил, что социальная инфантильность обусловлена причинами экономического, социального и культурного характера. Хотелось бы отметить, несмотря на то, что внутренние психологические особенности тоже важны, в данном исследовании они не учитывались, т.к. исследуется молодежь в целом, а не отдельные личности.

Ключевые слова: социальная инфантильность; молодежь; город; образование; досуг; семья.

Для цитирования: Демиденко А.С. Социальная инфантильность городской молодежи: сферы проявления // Caucasian Science Bridge. 2020. Том 3. №3 (9). С. 62-70.

Social infantilism of urban youth: areas of manifestation**Anna S. Demidenko***Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Abstract: The problem of delayed growing up is becoming more and more urgent in the modern world. Interest in the study of social infantilism is caused by the natural situation of prolongation of childhood and youth, a change in age boundaries and "postponement" of the onset of an adult, socially mature, period of life. The situation is especially acute in large cities. Our analysis of various factors of youth infantilization revealed that social infantilism is due to economic, social and cultural reasons. I would like to note, despite the fact that internal psychological characteristics are also important, they were not taken into account in our dissertation research, because we are investigating young people in general, not individuals.

Key words: social infantilism; youth; city; education; leisure; family.

For citation: Demidenko A. S. Social infantilism of urban youth: areas of manifestation // Caucasian Science Bridge. 2020. Vol 3. №3 (9) P. 62-70.

Введение

Кардинальные перемены в различных сферах жизнедеятельности привели к изменению ценностно-смысловых установок молодого поколения. В современном социуме происходит постоянное увеличение количества информационных потоков, социально-экономические преобразования и кризисы различного плана. Такая постоянно меняющаяся картина социальной реальности приводит к тому, что молодежь предпочитает замедлить процесс вхождения во взрослую жизнь и быть полноценными членами общества, иными словами, «остаться в детстве», где нет проблем, жизнь надежна и стабильна. Но с потерей ценности взросления теряется смысл существования.

Таким образом, вопросы зрелости и инфантилизма становятся все актуальнее. На данный момент в научном дискурсе не сложилось единой трактовки такого термина, как инфантильность (Демиденко, 2018). Анализ современной реальности дает основания полагать, что это явление связано с нарушением сферы интересов, ответственности, мотивации, чувства долга, манеры поведения и т.д. И стоит согласиться с мнением ученых, что инфантилизм означает задержку становления личности как целого комплекса отношений (Утенков, 2012).

Теоретические проблемы изучения социальной инфантильности

Инфантилизм в самом общем понимании трактуется как результат разрыва между социокультурным и биологическим развитием, который напрямую связан с нарушением механизмов социализации и выражается в неприятии форм социальной активности и социальных обязательств.

Вопросы инфантильности изучали как представители зарубежной, так и впоследствии отечественной науки. Стоит заметить, что в нашей стране исследованием занялись лишь с середины XX века. Обоснованием понятия, описанием возможных причин и классификацией занимались Э. Ласег, П. Лоррен, Е. Бориссо, Г. Антон, З. Фрейд, Э. Крепелин, Г. Штутте, Р. Корбо и др. (*Антон, 1913*).

В отечественной науке изучение инфантильности имело место в социологии, психологии, философии. Введенное А.Ф. Мельниковой и Г.Е. Сухаревой понятие «искусственная инфантилизация» дало толчок к началу изучения социально-психологической природы инфантильности, и, как следствие, появлению нового термина «социальный инфантилизм» (*Павленок, 1998*). В частности, советский и российский социолог и философ Ю.Н. Давыдов рассматривает инфантильность с позиции социологии контркультуры молодежи, как социологическую проблему и проводит анализ инфантильности как социальной болезни, а также отдельного типа мировосприятия (*Давыдов, 1980*).

Таким образом, термин «инфантильность» в научном дискурсе представлен в проблемном поле междисциплинарных исследований. Первоначальный вклад в исследовании проблематики инфантильности внесен медиками, психиатрами, а затем педагогами и психологами. Немного позже социологи, проявившие заинтересованность к инфантильности как к предмету изучения, в самом общем понимании стали определять инфантильность как социальную характеристику личности, связанную с протеканием первичной и вторичной адаптации (*Абдрахимова, 2016*). С социологической точки зрения, на формирование взросления индивида влияют различные социальные институты, а нежелание индивида принимать персональную ответственность и новые социальные роли ведет к различным нарушениям в социальной реальности.

Таким образом, основываясь на вышеизложенном материале, можно прийти к выводу, что феномен социальной инфантильности представляет собой междисциплинарный предмет научного дискурса психологов, социологов, философов, психологов. В связи с вышеизложенным предлагается авторская трактовка социальной инфантильности как состояния, характеризующегося ценностными и поведенческими установками индивидов, социальных групп, не соответствующих социальным нормам и критериям, предъявляемым со стороны обществом в соответствии с их социальным статусом и возрастными особенностями.

Как мы видим, на современном этапе инфантильность представляет одну из наиболее острых проблем современного социума. И особо актуален этот процесс среди городской молодежи, так как в городе время течет значительно быстрее по степени его восприятия жителями, что формирует различные по сравнению с жителями негородских территорий типы ментальности (*Беспалова, 2016*). Городское пространство диктует свои правила для жителей. Именно поэтому для современной молодежи город оказывает существенное влияние формирование стиля жизни, системы ценностей и взглядов, изменяются повседневные практики, стиль мышления и пр. Тем самым современный крупный город создает самые разные социально-экономические и педагогические технологии, способные формировать социальную зрелость и социальную незрелость российской молодежи.

Пассивность молодежи приводит к ряду институциональных проблем в обществе, т.к. молодые люди являются той социальной группой, которая должна принимать участие в решении социальных, экономических, политических и другим проблем. Авторская позиция изучения молодежи базируется на определении молодежи, данного Ю.А. Зубок и В.И. Чупровым, как субъекта социальных отношений. В рамках данного определения молодежь «представляет собой социально-демографическую группу, выделяемую на основе обусловленных возрастом особенностей социального положения молодых людей, их места и функций в социальной структуре общества, специфических интересов и ценностей» (Зубок, 2008).

Важными социальными качествами молодежи являются не только способности воспроизводить и транслировать систему социальных отношений последующим поколениям, но и изменять их. Таким образом, происходит вклад нового молодого поколения в дальнейшее социальное развитие общества.

По этой причине наше исследование основывается на идее социальной субъектности молодежи, согласно которой молодежь рассматривается как субъект преобразовательной деятельности. Формирование субъектности молодежи как группы представляет собой длительный процесс, протекающий в виде формирования всевозможных социальных и личностных качеств молодежи, реализация которых дает возможность молодому человеку быть субъектом социального развития.

В.В. Алиев выделил три сферы проявления социальной субъектности молодежи: семейно-брачных отношений, профессиональной и досуг (Зубок, 2008).

При исследовании социальной инфантильности городской молодежи мы определили такие сферы ее проявления, как:

- профессионально-трудовая, т.к. одной из главных ценностей среди молодежи является материальное благополучие;
- образовательная, т.к. вхождение в профессионально-трудовую сферу невозможно без получения образования;
- досуговая, т.к. досуг один из главных показателей социальных и культурных особенностей молодежи. Зачастую сфера досуга дает возможность для самореализации молодежи;
- семейная, т.к. семья является первичным агентом социализации молодежи.

Сферы проявления социальной инфантильности городской молодежи

Образовательная сфера. Современное российское общество ставит в приоритет инновационное развитие и формирование личной конкурентоспособности.

Современный социум формирует «социальный заказ» на личностей, которые обладают способностью к конструктивному диалогу, нацеленные на инновационное и творческое развитие, готовых к выстраиванию собственных жизненных стратегий. За процесс формирования таких личностей несут ответственности различные социальные институты, в частности институт образования. Но случившийся в 90-е годы прошлого века кризис системы образования не дал полностью реализовать данные функции.

В период обучения в вузе молодежь приобретает определенный набор знаний, компетенций и умений, которые будут формировать фундамент для профессиональной деятельности. Молодежь в период студенчества, границы которого находятся примерно в пределах 17 -23 лет, имеет свои особенности: с точки зрения физиологии, молодой человек уже сформирован, однако, продолжается социально-культурное становление.

Однако согласно результатам исследования лаборатории политических исследований Высшей школы экономики, современные студенты ожидают различных перемен, которые им должен кто-то принести, и уповают на помощь государства (Рос-

сийская газета, 2018). Подобная ситуация говорит об инфантильных установках молодежи в сфере образования, которые проявляются в снижении ценности высшего образования, отношении студенческой молодежи к образовательному процессу, уровню мотивации к обучению.

Профессионально-трудовая сфера. Одним из важных критериев наступления социальной зрелости является вступление в трудовые отношения. Как правило, полноценное трудоустройство начинается после обучения в вузе, но этот процесс протекает не всегда благоприятно. Среди выпускников вузов наибольший процент безработных приходится на возрастную группу 25 – 29 лет (46,7%), второе место занимает возрастная группа 20 – 24 года (42,9%) (*Чередниченко, 2018*). Подобная статистика свидетельствует о том, что наибольшие проблемы возникают в период трудоустройства после окончания учебного заведения.

Причин сложившейся ситуации несколько. Одни причины связаны с внешними факторами, которые не зависят от молодежи, другие - с внутренними установками молодежи, формирующими социальную инфантильность. К числу объективных факторов мы можем отнести:

– отсутствие вакантных рабочих мест. Здесь следует обратить внимание на тот факт, что уровень безработицы зависит от полученной в вузе специальности. Самый высокий процент безработицы наблюдается в гуманитарных науках, т.к. на рынке труда профицит данных специальностей, а самый низкий – в производственной деятельности. Зачастую также причины кроются в неправильной профессиональной ориентации в школах и пр.

– несоответствие выпускников вузов требованиям работодателей по уровню профессиональных знаний и компетенций. Претензии работодателей к уровню образования выпускников связаны с отсутствием должной практической подготовки студентов и усилением дифференциации по качеству получаемого образования, т.к. среди выпускников есть различия и по форме обучения: очное, заочное, и по уровню подготовки: бакалавры, специалисты, магистры. Такая разнородная структура выпускников будет отличаться по уровню профессиональных знаний.

Сегодня наблюдается ситуация рассогласованности рынка труда и образования: разрыв между личными и профессиональными ресурсами выпускников и требованиями внешней среды, несоответствие количества и качества специалистов, к которым предъявляются требования работодателей, расслоение в системе высшего образования и рост дифференциации дипломов (*Ключарев, 2015*).

Субъективные факторы проблем с трудоустройством молодежи связаны с поведенческими и ценностными установками, которые являются индикаторами социальной инфантильности в трудовой сфере и проявляются они в следующем (*Демиденко, 2019*):

– завышенные требования у молодежи к заработной плате, желание получить все «здесь и сейчас». Квалификация работников определяет его уровень производительности, и она должна оплачиваться выше. Выпускники вузов могут претендовать на более высокую заработную плату, однако, уровень материального вознаграждения различен и зависит от сектора, отрасли, региона и пр. Также большую роль оказывает структура спроса и предложения на труд по конкретным профессиям. Помимо этого, сегодня мы наблюдаем сокращение отдачи от высшего образования, которое обусловлено большим количеством молодежи с высшим образованием ненадлежащего уровня и увеличением процента работников с высшим образованием, занятых профессиональной деятельностью, не требующей высокой квалификации (*Гимпельсон, 2017*).

– возможность неофициального или альтернативного трудоустройства (фриланс, самозанятость). На сегодняшний день неформальная занятость является малоизученным сегментом отечественного рынка труда, который функционирует на принципах самоконтроля и саморегулирования. С одной стороны, такая деятельность способна формировать высокую социальную субъектность молодежи, т.к. развиваются предпринимательские и профессиональные навыки, повышается уровень квалификации и пр. С другой стороны, зачастую альтернативная или неформальная занятость носит эпизодический характер в качестве подработки, тем самым, молодые люди продолжают находиться на родительском иждивении (Блинова, 2018).

– нежелание молодежи работать;

– неготовность молодежи к труду и сложностям профессионализации. Как правило, большая часть молодежи 21 – 22 лет, имея диплом о высшем образовании, находится в поисках подходящей работы. Но стратегии трудоустройства различны и зависят от амбиций, трудовых предпочтений, состояния рынка труда, поддержки со стороны семьи. Однако длительное отсутствие постоянной работы свидетельствует не столько о конъюнктурных проблемах рынка труда, сколько о трудностях профессиональной самоидентификации и сложностях профессионализации. Иными словами, молодые люди, не понимая, чего хотят от работы, имеют завышенные требования к месту трудоустройства.

Отдельного внимания требует вопрос помощи в трудоустройстве молодежи. Согласно данным Росстата, чаще всего за помощью в первом трудоустройстве обращаются к родственникам, знакомым и друзьям (36,8% опрошенной молодежи), а роль каналов трудоустройства через различные организации остается низкой (9,8%) (Чередниченко, 2018).

Сфера досуга также выступает одним из показателей социальных и культурных особенностей молодежи. Зачастую сфера досуга дает возможность для самореализации молодежи. Досуг – это своеобразная визитная карточка, позволяющая получить информативное представление о том, чем живет молодежь. Также досуг показывает особенности экономического положения и ценностного базиса.

Досуг изменился за последние несколько десятков лет. Это связано не только с увеличением возможностей досуга молодежи, но и с тем, что формируется ценность времени. Количество свободного времени у городской молодежи сокращается за счет повышения учебной нагрузки, построения карьеры. Но, в то же время, городской уклад жизни существенно упрощает бытовые вопросы и дает больше времени на самореализацию.

Ежедневные социальные контакты крупного города, общение способствует формированию типа досуговых предпочтений. Современные реалии показывают снижение количества свободного времени, а, значит, тем ценнее его должна проводить молодежь. Однако наличие свободного времени отнюдь не означает, что молодые люди имеют полноценный досуг. Под полноценным досугом мы понимаем тип досуга, который дает возможность для восстановления сил, саморазвития, самореализации и самосовершенствования. Трата свободного времени в режиме «ничего неделания» дает лишь иллюзию отдыха и препятствует развитию человека как личности.

Различные социологические исследования (Горшков, 2011) показывают, что молодежь предпочитает пассивный досуг (просмотр телевизора, прослушивание музыки, социальные сети, чтение книг и др.) (Левада-Центр, 2018). Лидирующую позицию занимает традиционный досуг, который не требует значительных материальных трат и большой социальной включенности. Однако такое пассивное времяпрепровождение изменилось за счет виртуализации досуга: каждый пятый представи-

тель поколения миллениума получает удовольствие от компьютерных игр (*Левада-Центр, 2018*). Также большой процент молодежи предпочитает проводить свой досуг посредством различных видов общения: друзья, социальные сети, интернет-сообщества.

Заметим, что сегодня культурная составляющая досуга городской молодежи преимущественно находится в сфере массовой культуры. Традиционные виды культурного досуга, пережив кризис интересов, изменились через адаптацию к запросам молодежи. Чаще всего предпочтение отдается посещению кинотеатров, концертов, баров и пр. Согласно социологическим данным, 84% молодежи в возрасте 18 – 24 года и 74% в возрасте 25 -34 лет чаще всего ходят в кино, 42% опрошенных ходят на праздники местного уровня (день города и пр.), 28% и 26% соответственно посещали концерты (*ВЦИОМ, 2017*).

Обратим внимание, что удовлетворенность досугом зависит также и от того, как проводит молодежь свободное время ежедневно. Больше всего молодые люди свободное время тратят на Интернет и социальные сети, а также общение с друзьями. Свыше 60% опрошенной молодежи считает, что Интернет оказывает положительное влияние на жизнь, т.к. он стирает границы в общении, аккумулирует много полезной информации и помогает решать вопросы.

Семейная сфера. Семья является одним из главных агентов социализации, который транслирует на всех уровнях важные жизненные ориентации и основные общественные ценности. Именно в семье происходит становление личности через усвоение норм, социального опыта, ценностей и традиций поколений. На формирование семейных ценностей среди молодежи большое влияние оказывает семья, в которой они воспитывались.

Одновременно с трансформационными процессам, происходящими в российском обществе, и пролонгацией молодости институт семьи видоизменяется: теряет устойчивость, делится на множество различных форм брачного союза. Увеличение числа разводов и, как следствие, возникновение неполных семей, спад рождаемости, изменение семейных ценностей – это деструктивные факторы влияния на формирование и развитие личности, способные в будущем трансформировать отношение молодежи к созданию собственной семьи.

Помимо этого, весомым аспектом является то, что сегодня у молодежи сформировалась определенная последовательность ступеней социализации: учеба, карьера, потому что до вступления в брак необходимо приобрести определенный социальный капитал и стать финансово независимым от родителей. Но это удается далеко не всем и далеко не сразу, что отодвигает планы на самостоятельную семейную жизнь на неопределенный срок. Помимо этого молодое поколение воспитывается в «тепличных» условиях: родители, решая все проблемы детей, не создают необходимые условия для развития их самостоятельности, ответственности за свои поступки и действия. Данные факторы являются важными в осмыслении социальной инфантильности современной российской молодежи. Подобные изменения меняют представления молодежи о семейной жизни: меняются репродуктивные установки, типы семейных отношений, семейные ценности как индикаторы прочности семейных отношений и распада молодых семей.

Исследования показывают, что около половины опрошенных респондентов в возрасте от 18 до 34 лет считают нормальным совместное проживание без официально зарегистрированного брака (*ВЦИОМ, 2018*), и подобная позиция молодых людей дает опасение предполагать, что в дальнейшем такая форма семейных отношений может укореняться. Прежде всего, неофициальные браки устраивают молодых людей своей необязательностью, возможностью не брать ответственность, отсутст-

вием юридических формальностей в случае расторжения отношений. Чаще всего молодые люди воспринимают сожителство как иллюзию создания семьи, «репетицию» и способ легко «выйти из игры». К сложившейся ситуации в молодежной среде привели такие негативные тенденции, как обесценивание нравственных норм, воспитание в неполных семьях и т.п.

Большим изменениям подверглись и репродуктивные установки молодежи. Современные молодые семьи малодетны и имеют, чаще всего, одного ребенка или не имеют вообще. Данная позиция может быть оправдана финансовыми проблемами, нерешенным жилищным вопросом, нестабильной социально-экономической ситуацией. Новой тенденцией стало появление чайлдфри – сознательного отказа от продолжения рода.

Зачастую причинами разводов молодых семей становятся различия в характере супругов, конфликты из-за распределения социальных ролей и нерешенные финансовые проблемы. Зоной конфликтов в молодых семьях выступает также неопределенность социальных ролей, проблема распределения обязанностей и иерархия отношений.

В современном обществе патриархальный уклад семьи уходит на второй план, что влечет за собой изменения в распределении функций внутри семьи, т.к. работающая жена также участвует в формировании семейного бюджета наравне с мужем. Сейчас мы наблюдаем ситуацию, когда в «пространстве семейно-брачных отношений российского общества отмечается сосуществование патриархальных (традиционных) и эгалитарных (современных) семейных ценностей с тенденцией повышенной значимости последних по мере урбанизации и усиления влияния глобализации» (Верещагина, 2016). При эгалитаризации семейной сферы не существует четкой регламентации по гендерному принципу. Этим объясняется высокий процент разводов в молодых семьях, которые не смогли пройти проблемы распределения семейных ролей, возникающие перед молодыми супругами в первый год семейной жизни. Иными словами, молодые не имеют четких представлений о семье и культуре семейных отношений.

Заключение

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать выводы, что наибольший уровень инфантильности городской молодежи проявляется в образовательной, профессионально-трудовой, досуговой и семейной сферах жизнедеятельности. Однако стоит учитывать, что не всегда явные «индикаторы» социальной инфантильности являются реальными показателями, по причине того, что существуют независимые от молодого поколения причины: трансформация ценностных установок, экономическая нестабильность в стране, изменившаяся система высшего образования, неравный доступ к различным жизненно важным ресурсам.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Демиденко Анна Сергеевна

Преподаватель

Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет

E-mail: ademidenko@sfedu.ru

Demidenko Anna Sergeevna

Assistant lecturer

Institute of Sociology and Regional Studies
Southern Federal University

E-mail: ademidenko@sfedu.ru

Литература

1. Абдрахимова Р.Г. Исторические аспекты возникновения термина «инфантильность» // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 3-5 (45). С. 6-10.
2. Антон Г. О расстройствах развития у детей. Перевод под редакцией д-ра М.Б. Шапиро. Москва, 1913.

3. Беспалова А.А. Рекреационное пространство крупного российского города: креативные практики конструирования: дисс. канд. социол. наук. Ростов н/Д., 2016. 38 с.
4. Блинова Т.В., Вьялшина А.А. Структура неформальной занятости молодежи на российском рынке труда // Социологические исследования. 2018. № 4. С. 61-72.
5. Брак и сожительство: ставим знак тождества? (2018). Всероссийский центр изучения общественного мнения. Пресс-выпуск № 3571. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8923>
6. Верещачагина А.В., Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И. Семья в формировании ценности доверия в молодежной среде современного 8 российского города // Инженерный вестник Дона. 2016. №2. Режим доступа: <http://ivdon.ru/ru/magazine/archive/n2y2016/3526>
7. Давыдов Ю.Н. Социология контркультуры Инфантилизм как тип мировосприятия и социальная болезнь. М.: Наука, 1980. 263 с.
8. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров // Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М.: Весь Мир, 2011. 328 с.
9. Демиденко А.С. Социальная инфантильность российской молодежи: специфика научного дискурса // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. № 3. С. 141-147.
10. Инфантилизм социальный. Краткий словарь по психологии. Авт.-сост. П.Д. Павленок. М., 1998. 267 с.
11. Ключарев Г.А. «Разрыв» образования и рынка труда: мнения экспертов // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 49-56.
12. Константиновский Д.Л., Попова Е.С. Молодежь, рынок труда и экспансия высшего образования // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 37-48.
13. Культурный фронт: запросы и возможности (2017). Всероссийский центр изучения общественного мнения. Пресс-выпуск № 3298. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116048>
14. Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты. Аналитический доклад. Москва. 2007. 143 с.
15. Мягков А.Ю. Студенты технического вуза: профессиональные компетенции и ожидания на рынке труда // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 102-109.
16. Радостные занятия (2018). Левада-Центр. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2018/05/24/radostnye-zanyatiya/>
17. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения / под ред. В. Гимпельсона, Р. Капельюшниковой, С. Рощина. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 148 с.
18. Сегодняшние студенты – поколение конформистов (2018). Российская газета – Федеральный выпуск № 252 (7715). Режим доступа: <https://rg.ru/2018/11/08/valeriia-kasamara-sovremennye-studenty-zhivut-v-energoberegaiushchem-rezhime.html>
19. Социологический портрет молодежи Ростовской области // Коллективная монография / отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов-на-Дону: Март, 2012. 192 с.
20. Социология молодежи // Энциклопедический словарь / отв. Ред. Ю.А. Зубок и В.И. Чупров. М., 2008. 606 с.
21. Утенков А.В. Психологические детерминанты инфантилизма (на примере студентов педвузов): автореф. дисс. канд. псих. наук. Москва, 2012. 27 с.
22. Чередниченко Г.А. Положение на рынке труда выпускников вузов (по материалам опроса Росстата РФ) // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 95-105.
23. Чередниченко Г.А. Первое трудоустройство после вуза (по материалам Росстата РФ) // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 91-101.

References

1. Abdrakhimova R.G. (2016). Historical aspects of the emergence of the term "infantilism". International research journal, No 3-5 (45), P. 6-10.
2. Anton G. (1913). About developmental disorders in children. Translated under the editorship of Dr. M.B. Shapiro. Moscow.
3. Bepalova A.A. (2016). *Recreational space of a large Russian city: creative design practices* (Doctoral Dissertation, Southern Federal University, Rostov-on-Don). 38 p.
4. Blinova T.V., Vyalshina A.A. (2018). The structure of informal youth employment in the Russian labor market. Sociological studies. No 4, P.61-72.
5. Marriage and cohabitation: do we put a sign of identity? (2018). All-Russian Public Opinion Research Center. Press release No. 3571. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8923>
6. Vereshchagina A.V., Gafiatulina N.Kh., Samygin S.I. (2016). Family in the formation of the value of trust in the youth environment of the modern 8th Russian city. Engineering Bulletin of the Don. No 2 Available at: <http://ivdon.ru/ru/magazine/archive/n2y2016/3526>

7. Davydov Yu.N. (1980). Sociology of counterculture Infantilism as a type of perception of the world and a social disease. Moscow: Nauka. 263 p.
8. Twenty years of reforms through the eyes of Russians: the experience of many years of sociological measurements (2011). In M.K. Gorshkov, R. Krumma, & V.V. Petukhova. Moscow: Ves Mir. 328 p.
9. Demidenko A.S. Social infantilism of Russian youth: the specifics of scientific discourse (2018). Historical and socio-educational thought. No 3, P.141-147.
10. Social infantilism. (1998). A Brief Dictionary of Psychology. In. P.D. Pavlenok. Moscow. 267 c.
11. Klyucharev, G.A. (2015). "Rupture" of education and the labor market: expert opinions. Sociological studies. No 11, P. 49-56.
12. Konstantinovsky D.L., Popova E.S. (2015). Youth, labor market and expansion of higher education. Sociological studies. No 11, P. 37-48.
13. Cultural Front: Requests and Opportunities (2017). All-Russian Public Opinion Research Center. Press release No. 3298. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116048>
14. Youth of new Russia: way of life and value priorities. (2007). Analytical report. Moscow. 143 P.
15. Myagkov A.Yu. (2016). Students of a technical university: professional competencies and expectations in the labor market. Sociological studies. No 6, P. 102-109.
16. Joyful activities (2018). Levada Center. Available at: <https://www.levada.ru/2018/05/24/radostnye-zanyatiya/>
17. The Russian labor market: trends, institutions, structural changes (2017). In V. Gimpelson, R. Kapelyushnikov, & S. Roshchin. Moscow: NRU HSE. 148 p.
18. Today's students are the generation of conformists (2018). Russian newspaper - Federal issue No 252 (7715). Available at: <https://rg.ru/2018/11/08/valeriia-kasamara-sovremennye-studenty-zhivut-v-energoberegaiushchem-rezhime.html>
19. Sociological portrait of the youth of the Rostov region (2012). Collective monograph. In Volkov. Rostov-on-Don: March. 192 p.
20. Sociology of Youth. (2008). Encyclopedic Dictionary. In. Yu.A. Zubok and V.I. Chuprov. Moscow, 606 c.
21. Utenkov A.V. (2012). Psychological determinants of infantilism (on the example of students of pedagogical universities). (Candidat Dissertation, Institute of Psychological and Pedagogical Problems of Childhood, Moscow). 27 c.
22. Cherednichenko G.A. (2018). Situation on the labor market of university graduates (based on a survey by the Federal State Statistics Service of the Russian Federation). Sociological Research. No 11.P. 95-105.
23. Cherednichenko G.A. (2018). The first employment after university (based on the materials of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation). Sociological Research. No 8. P. 91-101.

Поступила в редакцию

6 июня 2020 г.

Информация для авторов

В журнал принимаются для публикации статьи, посвященные актуальным теоретическим и практическим проблемам в области исследования макрорегиона Большого Кавказа в системе государственных и региональных образований евразийского пространства, включающего Среднюю Азию, Ближний Восток и Черноморско-Каспийский регион. Также предполагается возможность публикации в данном издании исследований, ориентированных на изучение актуальных проблем развития других регионов современного мира в координатах профиля журнала.

Требования к оформлению статей соответствуют стандартам научных журналов международного уровня. Это будет способствовать ускорению включения журнала в Перечень ВАК, а в дальнейшем – в ERIN PLUS, SCOPUS и другие международные базы данных.

Разделы журнала:

1. Геополитика Большого Кавказа
2. Религии и регионы Большого Кавказа
3. Этнология народов Большого Кавказа
4. Цивилизации и культуры Большого Кавказа
5. Социальные институты региона: прошлое, настоящее, будущее
6. Дискуссионная трибуна
7. Рецензии
8. Молодежный формат

Языки публикаций: русский, английский.

Рекомендуемый **объем статьи** – не более 1 авторского листа (40 тыс. знаков с пробелами).

Текст статьи должны быть набран в формате Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой. Знаки принудительного переноса, а также дополнительные пробелы в тексте статьи не допускаются.

Графики, диаграммы, схемы и рисунки представляются в формате Word 1997–2003 на отдельной странице. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.

Рекомендуемый уровень **оригинальности текста статьи** – 80 %.

Недопустимо:

- *Дословное копирование текста* другого автора без указания его авторства, без ссылки на источник и использования кавычек.

- *Некорректное перефразирование* произведения другого автора, при котором изменяется более одного предложения в рамках одного параграфа или раздела текста, либо предложения располагаются в ином порядке без соответствующей ссылки на источник.

- *Использование графических элементов произведения другого автора* без указания авторства (рисунка, таблицы и т.п.) и ссылки на источник. Авторы должны получить разрешение владельца авторских прав на использование элементов его произведения.

- *Самоплагиат*. Если фрагменты рукописи ранее были опубликованы в другой статье, авторы обязаны сослаться на более раннюю работу, указать, в чем существенное отличие новой работы от предыдущей и, вместе с тем, выявить ее связь с результатами исследований и выводами, представленными в предыдущей работе.

- *Самоцитирование.* В списке использованной литературы не должно быть более 20% работ авторов рукописи.

Рекомендуемое количество источников в списке литературы – 20–25.

Информация об авторе на русском языке

Название статьи
Фамилия, имя, отчество автора (полностью), Научная степень, звание, должность, E-mail: Тел.:
Аффилиация Название организации Город Страна
Аннотация (объем от 200 до 300 слов)
Ключевые слова Ключевые слова (5-10) разделяются точкой с запятой

Информация об авторе на английском языке

Название статьи на английском языке
Полное имя, инициал отчества, фамилия на английском языке, (<i>Anna V. Ivanova</i>) Рекомендуется воспользоваться системой транслитерации на сайте http://translit.ru , при этом необходимо выбрать вариант стандарта BGN. Научная степень, звание, должность, E-mail: Тел.:
Аффилиация на английском языке Не следует писать приставки, определяющие статус организации или аббревиатуру этой части названия (<i>FGBNU, FGBOU VPO</i>).
Аннотация на английском языке (объем от 200 до 300 слов)
Ключевые слова на английском языке Ключевые слова (5-10) разделяются точкой с запятой

Требования к оформлению ссылок и списка литературы

В тексте источник указывается в круглых скобках (фамилия первого автора, год выхода).

Например, (Слаутер, 1996. С. 34) или (Acemoglu, 2003. P. 630).

В список литературы включаются только источники, использованные при подготовке статьи. На все источники в тексте должны быть даны ссылки.

Список литературы

В конце статьи приводятся два библиографических списка (ЛИТЕРАТУРА и REFERENCES):

ЛИТЕРАТУРА – с оригинальным написанием источников (например, на русском, украинском и английском языках).

В списке литературы источники располагаются по алфавиту, источники на иностранных языках располагаются после литературы на русском языке.

REFERENCES – список литературы на английском языке располагается по алфавиту.

Пример оформления списка – ЛИТЕРАТУРА

КНИГИ

Маршак А.Л. Социология культурно-духовной сферы. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2007. 424 с.

СТАТЬИ

Герасимов Г.И. Образование – потенциал социокультурной трансформации российского общества // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 4. С. 84–96.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

APA Style (2011). Режим доступа: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

ДИССЕРТАЦИЯ И АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ

Лубский Р. А. Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития : автореф. дис..... д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 2015.

Лубский Р. А. Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития : дис..... д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 2015.

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Беляева Л. А. Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Наука, 2005.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Скорынин С.Л. К проблеме маргинальности и культуры в современной России // Социологический диагноз культуры российского общества второй половины XIX – начала XXI в.: материалы всероссийской научной конференции. СПб.: Интерсоцис, 2008. С. 197–202.

Оформление русскоязычной литературы в References

Оформление списка литературы на иностранном языке существенно отличается от принятых требований ГОСТ к оформлению русскоязычных источников, поэтому авторам рекомендовано самым внимательным образом ознакомиться с данным разделом, чтобы свести к минимуму возможные неточности и тем самым повысить шансы на успешную публикацию своей работы и ее дальнейшее международное признание. Следует понимать, что работа с оформлением списка литературы является отдельным важным элементом подготовки материалов к публикации.

Все References (список литературы на иностранном языке) оформляются в алфавитном порядке. Требования к оформлению References основаны на **APA Style** – широко распространённой в мировых общественных науках форме оформления академических работ, разработанной Американской ассоциацией психологов. Подробную информацию по составлению библиографических ссылок и цитированию на английском языке в APA formatting and style guide можно найти по адресу: <https://owl.english.purdue.edu/owl/resource/560/01/>

Ниже приведены примеры оформления иноязычных источников, перевода русскоязычных источников на английский язык в соответствии с требованиями международных баз цитирования и рекомендациями авторам для составления References.

Список литературы в романском алфавите (латинице) должен публиковаться в таком качестве, чтобы эти ссылки могли быть учтены международными базами научной индексации.

Правильное описание используемых источников в списках литературы является залогом того, что цитируемая публикация будет использована при оценке научной деятельности ее авторов. При переводе русскоязычных ссылок в APA-формат автор должен учитывать, что ссылки на латинице предназначены для иноязычного читателя и должны быть ему максимально **понятны**.

Транслитерация русскоязычных названий должна производиться на основе

Пример оформления списка – REFERENCES:

КНИГИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. Место издания: Издательство.

Marshak, A.L. (2007). *Sociology of cultural and spiritual sphere*. Moscow: Gumanitarnaya literatura Publ.

СТАТЬИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. *Перевод названия журнала*, номер выпуска, страницы.

Gerasimov, G.I. (2005) Education – the potential of sociocultural transformation of Russian society. *Social and humanitarian knowledge*, 4, 84-96.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

Заглавие. (Год издания, если есть). Available at: URL.

APA Style (2011). Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

ДИССЕРТАЦИЯ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. (Doctoral Dissertation, университет, город)

Lubsky, R. A. (2015). *Russian statehood as a social reality: the methodology of multivariate research, types, the specifics of development*. (Doctoral Dissertation, Southern Federal University, Rostov-on-Don).

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. In редакторы (Eds.). Место издания: Издательство транслитерация.

Belyaeva, L.A. (2005). *Russia – New Social Reality. Rich. Poor. Middle class*. In M.K. Gorshkov & N.E. Tikhonova (Eds.). Moscow: Nauka.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. In Название конференции перевод: *Proceedings of the Scientific Conference*. Место издания: Издательство.

Skorynin, S.L. (2008). *To the problem of marginality and culture in modern Russia*. In *Sociological diagnosis of the culture of Russian society in the second half of the XIX - beginning of the XXI century: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*. SPb.: Intersotsis.

Author Guidelines

The journal accepts the articles for actual theoretical and practical issues of the research of the macro-region the Greater Caucasus in the system of state and regional entities of the Eurasian space, including Central Asia, the Middle East and the Black Sea-Caspian region.

The design of the articles meets the standards of international scientific journals in order to be accepted to the international databases in future.

Focus and Scope:

The journal offers the following subject headings in correspondence to the profile of the edition:

1. Geopolitics of the Great Caucasus.
2. Religions and Regions in the Great Caucasus.
3. Ethnology of the Peoples in the Great Caucasus.
4. Civilizations and Cultures in the Great Caucasus.
5. Social Institutions in the Region: Past, Present, Future.
6. Discussion Tribune.
7. Reviews.
8. Youth Format.

Languages of Publication:

The journal includes publications of articles in English and Russian.

The **recommended length** of articles is no more than 40 000 characters, spaces included, including illustrations, schemes, footnotes, bibliography, abstract and keywords.

Typesetting of article texts must be carried out on computers in the MS Word program (A4 format, one-and-a-half line spacing, font size 14, Times New Roman, justified alignment, margins from the top, bottom, left, right - 2 cm, page numbering is solid, starting with the first).

Schemes, tables, photographs and pictures must be numbered and are presented with the titles (inscription) or headings..

The recommended level of originality of the article is 80%

improper:

- Verbatim copying of another author's text of without attribution of his authorship, without reference to the source and the use of quotation marks.

- Incorrect paraphrasing, in which more than one sentence is changed within one paragraph or section of the text, or the sentences are arranged in a different order without a corresponding reference to the source.

- Use of graphic elements of another author's work without attribution (figure, table, etc.) and reference to the source. Authors must obtain permission from the copyright owner to use elements of their work.

- Self-plagiarism. If fragments of the manuscript were previously published in another article, the authors are obliged to refer to the earlier work, indicate what is the significant difference between the new work and the previous one and, at the same time, identify its connection with the research results and conclusions presented in the previous work.

- Self-citation. The references should not contain more than 20% of the works of the authors of the manuscript.

References are placed after the main text (at the end of it). The recommended number of used sources is 20-25.

The article are accepted by the **e-mail:** csb.journal@mail.ru

Information about the author

Title
First Name, Last Name (Anna Ivanova) Scientific degree, title, position E-mail: Tel .:
Affiliation
Abstract (Length 200-300 words) <i>Should contain the information on the purpose, structure, methods, conclusions of the research</i>
The keywords must consist of 5–10 words, separated by a semicolon
Highlights <i>Should reflect the key results of the research, presented in 3-5 items of the bulleted list</i>

The structure of the article

The article should be written in the international format – **IMRaD** (Introduction, Methods, Results, and Discussion).

Each part of the article reveals certain questions.

Introduction	What is the problem of the research? The introduction should determine the nature of the problem, indicate the purpose of the research, present its hypothesis and justify the importance of the study
Materials and Methods (Theoretical basis)	How was the problem studied before?
Results	What are the main findings or even discoveries? This part presents the results of the research in a clear logical sequence, without interpretation of the results. It is here tables, drawings and graphics are most often used.
Discussion	What do the results mean? The discussion should focus on the interpretation of the results and other related materials. This part should explain the importance of the observed opinion for the purpose of the study; link the results to the hypothesis.
Conclusion	The conclusion should summarize the results and its significance, describe the consequences and practical meaning of the research, give recommendations, if possible.
Acknowledgments	Reference to the grant (if any).
References	

Reference to bibliographical literature must be made **within the text** round brackets (Surname of the first author, year of publication. page).

For example, (Acemoglu, 2003. P. 630).

The bibliography should include only the sources used in the article with the links. The sources are listed alphabetically.

References

The design of References is based on **APA Style**, developed by the American Psychological Association, and widespread in social sciences. For more information: <https://owl.english.purdue.edu/owl/resource/560/01/>

EXAMPLES:

BOOKS

Author (Year of publication). *Title*. Place of publication: Publishing house.

Cornell, S. (2005). *Small nations and great powers: a study of ethnopolitical conflict in the Caucasus*. London and New York: Routledge.

ARTICLES

Author (Year of publication). *Title*. *Journal*, Volume, Issue, Pages.

Barnes, L. (2005). Religion, Education and Conflict in Northern Ireland. *Journal of Beliefs Values*, 26(2), 123–138.

ELECTRONIC RESOURCE

Title. (Year of publication, if any). Available at: URL.

APA Style (2011). Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

THESIS

Author (Year of publication). *Title*. (Doctoral Dissertation, University, City)

Lubsky, R. A. (2015). Russian statehood as a social reality: the methodology of multivariate research, types, specifics of development. (Doctoral Dissertation, Southern Federal University, Rostov-on-Don).

BOOK UNDER THE GENERAL EDITORSHIP

Author (Year of publication). *Title*. In Editors (Eds.). Place of publication: Publishing house.

Belyaeva, L.A. (2005). *Russia – New Social Reality. Rich. Poor. Middle class*. In M.K. Gorshkov & N.E. Tikhonova (Eds.). Moscow: Nauka.

ARTICLE IN THE CONFERENCE PROCEEDINGS

Author (Year of publication). *Title*. In *Conference title: Proceedings of the Scientific Conference*. Place of publication: Publishing house.

Skorynin, S.L. (2008). To the problem of marginality and culture in modern Russia. In *Sociological diagnosis of the culture of Russian society in the second half of the XIX - beginning of the XXI century: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*. SPb.: Intersotsis.

